

The illustration depicts a woman in a steampunk aesthetic, shown in profile from the waist up. She has large, dark, feathered wings extending from her back. Her hair is styled in an updo with intricate mechanical gears and cogs integrated into it. She wears a dark, high-collared jacket with leather straps and buckles. To her right, a black crow with its wings spread is perched on a gear. The background is a complex, golden-hued mechanical environment with various gears, dials, and pipes, creating a sense of a vast, intricate machine world.

Ева Миллс

Принцесса
и
Ястреб

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ева Миллс

Принцесса и Ястреб

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54775103

SelfPub; 2025

Аннотация

Ева заперта на карантине и не знает, как отвлечься от тягостных мыслей. Семнадцатилетняя Шелена приезжает в дом матери в момент, когда та ожидает опасных и знатных гостей. Что общего между двумя героинями?

Одна из них – автор, а вторая – персонаж книги.

Но в какой-то момент судьбы обеих женщин пересекутся. Смогут ли они справиться со своим прошлым и найти свое будущее?

Спин-офф к циклу «Воздушные замки».

Содержит сцены жестокости и насилия.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	8
Глава 2.	26
Глава 3.	41
Глава 4.	47
Глава 5.	55
Глава 6.	67
Глава 7.	89
Глава 8.	102
Глава 9.	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Ева Миллс

Принцесса и Ястреб

Всем сломанным и склеившим себя заново посвящается.

Вы ни в чем не виноваты.

Короли, принцессы,

Рыцари, драконы,

Выбираем роли,

Нам они знакомы...

(детская песенка)

Пролог

Весной 2020 года мы с Хавьером, как и весь мир, оказались запертыми на карантине. Детей с нами не было: к радости или печали, но Кира и Джош в тот момент гостили у моих родителей и, судя по их лицам, были счастливы продлить свои каникулы на неопределенный срок.

– У нас в Уэстбруке¹ много леса, воздуха и мало людей. Лучше места, чтобы переждать весь этот хаос – не найти. – Убеждала я Хавьера, но на самом деле себя.

– И вообще, вся эта ситуация не повод для паники. Только представь, мы сможем, как раньше, проводить сутки в постели, посмотрим все те сериалы, которые давно хотели, я смогу спокойно, без гонки написать свой роман... – говоря все это, я нарезала круги вокруг мужа, невозмутимо сидящего в кресле и потягивающего вино. Со стороны могло показаться, что он не слушает, но я видела, что в глубине его губ таится дьявольская усмешка.

– Не веришь мне? Думаешь, я истерю? Что полезу на стенку через неделю?

– Заметь, это сказал не я. Через три дня.

– Что?

– Ты полезешь на стену через три дня.

---

¹ Westbrook, Cumberland County

– Придурок. – я бросила в него подушкой, но без огонька, он легко уклонился и даже не запустил в ответ. Плохо дело.

– Тоже боишься? – я плюхнулась к нему на колени и потрогала его морщины на лбу, которые за последние дни, кажется, стали глубже.

Хавьер вздохнул.

– Нет. Не боюсь. Но... тревожусь.

– Думаешь, это надолго?

Он помедлил с ответом, потом кивнул.

– Да. Думаю, да. Вся весна, может быть начало лета.

Что-то внутри меня, все еще отчаянно надеющейся, что ситуация растрясется сама по себе, если не обращать на нее внимания, болезненно сжалось от страха.

– Три месяца... Без детей, без работы... Хавьер, что же мы будем делать?

Он по-мальчишески улыбнулся, и тень ушла с его лица:

– Ты что-то там такое говорила про сутки в постели...

***

Первую неделю мы и правда были словно в нечаянном отпуске. Поздно ложились и поздно вставали, увлеченно выбирали сериал, устраивали тематические кулинарные дни, разговаривали обо всем за бутылкой белого сухого...

На исходе второго понедельника мы поссорились. Карантин официально продлили до конца апреля, и понимание того, что все серьезно, плохо и страшно наконец-то накрыло нас. Сцепившись из-за ерунды – он сделал кофе себе, а мне

не предложил – мы наорались друг на друга всласть, в крике выплескивая свои ярость и бессилие. Позже, когда дуться в разных комнатах стало невыносимо, я пришла к нему, стоящему у окна, и прильнула к спине.

– Мяу.

– Мяу. – устало вздохнул Хавьер и накрыл мои руки своими. – Пообещай мне, что мы не разведемся во второй раз к концу этого испытания.

– Нам надо чем-то заняться. Чем-то, полезным для саморазвития. Продумать строгий распорядок, четко ему следовать. Прекратить пить каждый день.

– Пряма-таки и прекратить?

– Да. -мой голос дрогнул, но не поддался. – Я завтра начну свой роман. Ты – работать над фильмом. Вместе приберем в квартире, переберем вещи, выбросим ненужное, займемся фитнесом наконец-то. Есть еще предложения?

– Да. А можно я просто весь день буду сидеть за ноутбуком, пить пиво и играть в counter strike?

– Нет.

Глава 1.

– Уймись, безумная, у меня уже в глазах мельтешит от тебя.

Я огляделась вокруг. Хаос. Уже несколько дней я неистово разгребала вещи по системе Мари Кондо, но пока результатом было нагромождение неустойчивых баррикад из книг, альбомов, настольных игр и пластинок. Взяв в руки номер Космополитена за 2003 год, с Анджелиной Джоли на обложке, я прислушалась к себе: радует ли меня конкретно этот томик макулатуры?

– Бесплезно. – я швырнула журнал через всю комнату в стопку списанных вещей, и он жалобно стукнулся об пол, раскрывшись на середине.

– Меня ничего не радует. Ни-че-го. Все бесит. Раздражает.

Я плюхнулась на диван рядом с Хавьером и задрогала ногами и руками, как таракан.

Хавьер страдальчески застонал – опять ты суетишься – и лег сверху, чтобы я прекратила дергаться.

– И ты меня тоже раздражаешь. – я пыталась увернуться от его колючих объятий, но он все равно прочесал небритой щекой по моей шее.

– Ты собиралась писать роман.

– А ты собирался работать над фильмом.

– Нет, это ТЫ говорила, что я собираюсь работать над фильмом. А я делаю как раз то, что и собирался – отдыхаю.

Да уж, он не врал. Казалось, он переносит заточение совершенно спокойно, и готов спать, есть, заниматься сексом, смотреть любимые фильмы и снова спать дни напролет. Ляг полежи, выпей вина – от этого его растаманского девиза "донт ворри, би хэппи" меня уже потряхивало.

– Как ты можешь быть таким непробиваемым! Слезь с меня, ты тяжелый. Толстый! И колючий. И вонючий!

– Вонючий и толстый? Возьми свои слова назад, женщина!

– И даже не подумаю! Пусти меня, я хочу встать.

– Да черта с два. – он навалился на меня сильнее и повернул мою голову к себе в подмышку. – Раз так, нюхай!

– Фу! Гад! – задыхаясь от смеха, смешанного со злостью, я начала молотить его руками по спине и пинать по коленям, но это было все равно, что пытаться скинуть с себя слона.

Я, конечно, преувеличивала. Запах Хавьера был, без сомнения, довольно крепким, но тем не менее, не неприятным.

Сандаловый аромат одеколona смешивался с терпким привкусом алкоголя, соленой кожи и горечью мандариновой корки. Я глубоко вдохнула и прекратила брыкаться.

Настроение вдруг изменилось. В напряженном молчании мы всматривались друг в друга. Он погладил меня по щеке, отвел от лица прядь волос, выбившуюся из прически и щекотавшую уголок рта. Я медленно облизала пересохшие губы.

бы, глядя ему прямо в глаза. Он поцеловал меня глубоко и сладко, и на какое-то мгновение мир вокруг перестал существовать.

Уже позже, перебравшись на прохладу простынь, мы лениво лежали, расслабленно нежась в лучах уходящего дня.

– Так почему ты все-таки не пишешь роман?

Я скривилась.

– Не могу. Все не так. Герои не оживают, не приходят ко мне, вместо полнокровной, достоверной, страстной и трагичной истории выходит сказочная шаблонная картонка. Пришел, увидел, трахнул, любовь. Мыло.

– Так переключись. Всегда так, когда зациклился – не выходит.

– Я пытаюсь! Иначе зачем бы я затеяла всю эту уборку.

– Магическая уборка тебе тут не поможет. Слезь с заевшего сюжета. Напиши свою порнушку. Плохой парень, хороший парень, белый конь, черный конь, героиня – девственница-красавица.

Такое очевидное решение мне даже в голову не приходило. Засела в голове муть? Выплесни ее на бумагу, чтобы она рассеялась.

Я от волнения села.

– Думаешь? А что, может сработать... Маленький рассказ, страниц на сто, не больше. Побольше секса, поменьше разговоров, намеков на любовный треугольник... Мой мозг уже начинал лихорадочно просчитывать варианты.

– Никаких метаний, никаких неожиданных поворотов?

– Точно. Оставь все эти оттенки серого для другого раза.

– Классический сценарий? Барышня и хулиган, хороший скучный парень за бортом, поиски себя, становление личности, современная героиня, никаких соплей, уверенность и самодостаточность, уезжают в закат на лихих конях?

– Супер. Добавь еще страшную детскую тайну, и мы продадим этот сюжет Диснею.

– Не продадим. Там будет секс.

– Ой, можно подумать, эти вот современные мультфильмы не завуалированная порнография для девочек предпубертатного возраста и их неудовлетворенных родителей!

– Я люблю современные мультики!

– А я тебе о чем!

– И вовсе там нет ничего такого!

– Очень даже да! Вспомни ту таитянскую принцессу и ее широченного полубога-ястреба – я тебе хоть сейчас загуглю миллион подобных роликов. Пишешь "азиатская малолетка и огромный черный..."

– Хавьер!

– Поспорим?

– Нет.

– Разумное решение. Я режиссер, мне лучше знать.

– Ты извращенец.

– Не без этого. Но согласишься, есть что-то развратное в этом его крюке...

Я сдалась и рассмеялась. Невозможно было спорить с Хавьером, когда он был таким. Гораздо больше хотелось его целовать, что я и сделала с превеликим удовольствием.

– Полинезийская, – пробормотала я той же ночью, внезапно на границе сна кое-что вспомнив.

– Что? – Хавьер отложил телефон и повернулся ко мне.

– Моана. Не таитянская принцесса, полинезийская, с островов Бора-Бора, я книжку читала.

Хавьер фыркнул от смеха и погладил меня по голове:

– Оставила-таки последнее слово за собой.

– Ага, -я удовлетворенно кивнула, но уже во сне.

Мы больше не возвращались к этому разговору, но идея пустила корни и несколько последующих дней, разбирая завалы вещей, я ловила себя на мысли, что у в голове начинает выстраиваться стройный скелет истории. И когда однажды в третьем часу ночи я резко, без перехода, проснулась от снедающего меня вдохновения, я знала, какой будет первая строка.

(*Примечание автора* : первым моим читателем стал, конечно же, мой муж. «Конечно же» означает не то, что он всегда мой первый читатель – как раз нет, но сами понимаете, читать больше было некому, а обратная связь необходима любому автору... Я не поленилась записать все его не всегда самые добрые (и не всегда самые умные) комментарии и, если вы вдруг хотите читать эту историю вместе с Хавьером – обращайтесь внимание на сноски)

Дама червей

– Ты не должна выходить из комнаты ни под каким предлогом. – лицо моей матери было строгим и непреклонным и не оставляло ни малейшей лазейки.

–Но мама! Трое суток! Что я буду делать взаперти, одна, целых три дня? Это несправедливо! Я приехала на неделю на каникулы не для того, чтобы прятаться в собственном доме!

Веледа смягчилась. Немного. Присев рядом со мной на кровать, она взяла меня за руку.

–Шелена. Шел, милая, послушай меня и отнесись к моим словам очень, очень серьезно. О принце идет дурная слава. Он и его свита не пропускают ни одной юбки: им все равно, красавица или простушка, скромница или распутница, горничная или знатная дама. А ты так юна, свежа и прекрасна. Я не хочу, больше всего на свете не хочу, чтобы он или кто-то из его испорченных дружков тебя увидел. Ты понимаешь, о чем я?

Я понимала. Мать моя, женщина образованная, современных взглядов – слишком современных, по мнению многих – была убеждена в том, что только знание может уберечь человека от глупостей. В шестнадцать лет я обладала вполне достоверными и ясными сведениями о том, что, а главное, как, происходит между мужчиной и женщиной. Мать была права, мне не нужно сейчас внимание беспутного бабника.

Как бы мне этого не хотелось.

– Да, мама. Главное для меня – поступить в университет,

быть независимой и самостоятельной. Я помню. Никаких глупостей. Я взяла с собой из школьной библиотеки несколько книг по органике, буду изучать их.

Веледа внимательно изучила мое лицо, пытаясь найти признаки лукавства.

– Хорошо. Спасибо. Ты мне обещаешь, что не будет никаких выходов в стиле прекрасная незнакомка в маске внезапно появляется в зале, очаровывает принца, а в двенадцать исчезает, потеряв тувельку и поставив всех на уши? Молодой Ястреб – мужчина пресыщенный, и устроить охоту на тайную красавицу будет для него занятным приключением.

Я тяжело вздохнула. Моя мать слишком хорошо знала сюжеты заезженных любовных историй. И меня.

– Да, мама. Обещаю. Я не сделаю из этой комнаты ни шагу до понедельника.

Наконец-то она улыбнулась.

– Вот и умница. Еду тебе будет приносить Николь. А сейчас мне пора, гости нагрянут уже через несколько часов.

После ее ухода я тоскливо раскинулась на кровати. Сколько бы здравомыслия не проявляла я на словах, но мне было шестнадцать, я хотела наряжаться, кружиться в танце и разбивать сердца. Говорят, принц Ястреб красив. Шепчут, что его друг и соратник Ворон еще красивее. Оба владеют магией, но похищают души девушек не чарами, а медовыми речами и страстными объятиями. Вот бы хоть одним глазком взглянуть!

– Шелена. Ты обещала. – Твердо напомнила я себе и раскрыла толстенный учебник по химии. Учиться, учиться и еще раз учиться, как завещал нам великий Мерлин.

Я проснулась от звуков музыки внизу. Сама и не заметила, как задремала. На щеке отпечатался след от узорного покрывала, рука затекла. Посмотрела на часы: одиннадцать вечера, я проспала и суматоху приезда принца, и начало бала.

– Ну здорово. Теперь мне не уснуть до утра. И что делать-то? Скукотища.

На столике был ужин. Николь заходила.

Забрав поднос прямо в постель – плевать на крошки – я уселась по-турецки в твердом намерении съесть с горя все эти прекрасные вещи до единой.

Ломоть страсбургского пирога, истекающего золотом, рябчик с засахаренными сливами, жаворонок с луком и чесночной подливкой, тарелка прозрачной шафранной ухи, осетр в пряном рассоле, жареная рысь – воистину деликатес!, сладкие пирожки, миниатюрный ястреб, литый из сахара, трёхслойный торт с марципановым кремом и вишневым желе, лимонные пирожные в имбирной глазури, кубок черемухового меда.²

Осоловевшая от еды, я с трудом могла дышать. Да уж, мать расстаралась для знатных гостей – ужин был воистину королевским! А ведь на моей тарелке лишь жалкая часть! Не стоило матушке так уж бояться за мою честь. Не пред-

---

² Спонсор меню- повесть Толстого «Князь Серебряный»

ставляю, как после такого угощения его высочество сможет хоть кого-то соблазнить. Представив, как объевшиеся придворные с трудом перекатываются по залу, одышливо флиртуя друг с другом и тайком распуская ремни и корсажи, я расхохоталась: картина выходила уморительная!

Приезд принца всегда был для принимающей стороны огромной честью – и огромными растратами. Само собой разумелось, что принять высоких гостей надо по такому же высочайшему разряду – но все деликатно умалчивали, сколько это будет стоить хозяевам. Чтобы устроить все как положено на эти три дня, мать бросила все наши текущие деньги – и все отложенные.

Риск был огромным – но в случае успеха была бы велика и награда. Если его высочество Ястреб останется доволен – в наш отель рекой потекут все эти высокопоставленные Скопы, Совы и Соловьи, готовые платить за комнаты суммы, достойные их титулов. Свежайшие льняные простыни, начищенные канделябры, лучшие шляхи – Веледа предусмотрела все.

Но к демонам бы весь этот аристократический птичник и их забавы. Я -скромный Королек и для меня главное – уверенно стать на ноги в этом жестком высокомерном мире, и рассчитывать при этом я могу лишь на свой талант и знания.³

---

³ -Королек? -на этом моменте Хавьер выгнул бровь. – Seriously, Ева, королев? Птичка певчая? А что дальше? Появится эротичный священник в сутане цвета "пепел розы"?

Я решила не обращать внимания на гул праздника⁴ и все-таки попытаться уснуть. Переодевшись в любимую пижаму – уютную и мягкую рубашку до колен, я легла в постель и спрятала голову под подушку. Через целую вечность, а на самом деле минут через пять, я со стоном стащила ее с головы. Простыня жесткая, подушка неудобная, одеяло кусачее – все не так, когда сон не идет. Со вздохом подтянув к себе учебник, я попыталась вычислить молярную массу и изобразить графические формулы всех возможных изомеров продукта окисления 10,8 г органического вещества аммиачным раствором оксида серебра, при котором выделилось 32,4 г серебра.

Эта задача была не трудной, если знать, что речь идет о реакции "серебряного зеркала", при которой вне зависимости от природы алкильного радикала, окисление 1 моль альдегида дает 2 моль серебра.

Вычислив ответ, я заскучала. Больше решать не хотелось, но я все-таки взялась за составление схемы многостадийного синтеза формальдегида из метана. Сбившись в несложном уравнении реакции хлорметан > метанол я раздраженно захлопнула задачник. На сегодня достаточно.

Но что же делать? Немного поколебавшись, я вытащила из-под кровати свой дорожный чемодан. Там, в потайном дне, предназначенном для денег и документов, пряталась книга, трепетно, секретно и с придыханием передаваемая из

---

⁴ А я решила не обращать внимания на всяких подлых критиков.

рук в руки старшеклассницами нашего благочестивого естествонаучного колледжа святой Урсулы.

"Гарем"

Воровато оглянувшись-не идет ли мама- я скользнула обратно с колотящимся сердцем. Найдя страницу, на которой я остановилась еще в пансионе, я полностью погрузилась в чтение. Время летело как стрела, нежную Жасмин продали калифу аль-Кариму и он пронзил ее невинность своим железом страсти. Расширив глаза и шевеля губами, чтобы не упустить ни слова, я читала ядовито-сладкие строки.

*"Губы ее раскрылись ему навстречу, язык жадно искал встречи... Ладони ее ласкали тело Карима, пальцы запутались в мягких его волосах, пробежали по мускулистой спине, разжигая страсть в его чреслах... Горло все напряглось в безмолвном крике, когда он стал покрывать ее благоухающую шею горячими поцелуями."*⁵

Моя рука сама нашла себе дорогу. Не отрываясь от чтения, я просунула руку между бедер. Я была вся скользкая там, внутри, и мои пальцы легко задвигались в нужном ритме, неся наслаждение. Я дышала все глубже и когда желанное облегчение было совсем близко, по позвоночнику вдруг пробежал озноб: ужасное, неуместное, пугающее чувство от того, что кто-то не отрываясь пристально смотрел на меня.

Валет пик

Юноша был пьян. Первый хмель, при котором все жен-

---

⁵ Судя по всему, наша девица читает роман Бертрис Смолл

щины красивее, а жизнь беззаботнее, уже прошел и теперь весь смех казался напускным, а ресницы и губы прелестниц-фальшивыми. Он огляделся: вокруг царило обжорство и разврат – никто не заметит, когда он уйдет. Держась у стены – и держась за стену – он стал подниматься в свою комнату.

– Винтовые лестницы – изобретение дьявола, – пробормотал он. – От мелькания бесконечных ступенек его мутило.

– Сейчас вырвет, – обреченно мелькнула мысль, но тут под ногами наконец-то оказался устойчивый паркет.

Мужчина перевел дух.

– Спать. Даже сапог снимать не буду. Черт побери, какая из этих комнат моя?

Оглядев коридор, полный разноцветных дверей – вроде бы желтая... или голубая?, он выругался. Какого хрена, он не девица, чтобы обращать внимания на цветочки!

– Плевать. Пойду в голубую и упаду на кровать. И лучше бы на ней никого не лежало.

Дверь открылась с легким вздохом. Юноша втащил себя в номер и вдруг замер. Если бы он не был так пьян, он наверняка еще в коридоре заметил бы слабый свет, струящийся из-под двери.

– Святые сиськи Гвиниверы, – пробормотал он – вот это я удачно зашел.

На кровати была девушка. Золотые волосы до задницы, стройные белые ляжки. Она читала, удерживая книгу на весу левой рукой, а правая... ее правая рука двигалась между ног

сначала медленно, а затем в все более ускоряющемся темпе. Весь хмель слетел с него, во рту пересохло, член встал. Он не мог отвести взгляда от завораживающего зрелища, и только когда девушка вдруг повернула голову и посмотрела прямо на него, он понял, что все эти мгновения даже дышал с ней в одном ритме.

Секунду он колебался, сделать шаг назад или вперед. Но девушка не кричала, только смотрела не моргая расширившимися от потрясения глазами, и он, повинувшись какому-то шальному веселью, вышел на свет.

– Так, так, так. И что же это за мышонка прячет наша глубокоуважаемая хозяйка в этой хорошенькой норке?

На лице девушки отразился ужас, и он понял, что угадал.

Наслаждаясь ее испугом, он не спешил и рассматривал ее с головы до ног, подмечая детали:

Девчонка. Совсем еще ребенок. Не больше семнадцати. Чистая кожа, круглое лицо, мягкие губы. Увидь он ее в платье, в чередке таких же невинных большеглазых овечек, прошел бы мимо, не остановив взгляда, но здесь и сейчас, в полумраке, в детской ночнушке... Он сжал руки в кулаки, чтобы подавить желание завладеть этим свежим телом.

– Дочь? А, впрочем, не отвечай. Наверняка дочь. Заботливая мамочка укрыла цыпленка от жадных взгляд коршуна.

– Ястреба. – Ее голос был хриплым, и она явно боялась, но все равно дерзила!

На мгновение он опешил, а потом расхохотался. Подумать

только, пять минут назад он собирался спать!

– Кто вы и что вам здесь надо? – девушка явно пришла в себя и пыталась прожечь его надменным взглядом опытной суки. Наверняка подсмотренным у дражайшей родительницы. При воспоминании о хозяйке гостиницы он внутренне передернулся: стальная леди, мороз по коже.

– Кто я и что мне нужно? – он растягивал слова, не торопясь с ответом. Маска, всегда служившая лишь частью игры – все и так прекрасно знали, где кто – сейчас обрела истинный смысл, подарила ощущение свободы. Нет лица – нет личности, этой ночью для этой девушки он мог быть кем угодно.

– Кто знает? Я – принц. Или друг принца. Или прихлебатель принца.

– Или конюх.

– Или конюх. – легко согласился он. – Это неважно. Ты не узнаешь, кто я. Важно то, узнает ли завтра **настоящий** принц, какую голубку прячет Веледа в голубой клетке.

Ей не удалось удержать лицо, и он удовлетворенно кивнул. Так и есть, матери девчонка боится больше, чем незнакомца в спальне.

– Чего ты хочешь? – она облизала пересохшие губы, и он представил, как сжимает ее тонкую шею, раскрывает большим пальцем этот нежный рот...

– Я хочу досмотреть.

– Что... – она непонимающе сморщила лоб, а потом осек-

лась и краска медленно залила ее лицо. Дошло.

– Нет. Нет! Вон из моей комнаты, подлец!

Он пожал плечами, изображая равнодушие.

– Я уйду. И у вас с матерью будет целая ночь подготовить оправдание, почему верная подданная его величества не засвидетельствовала почтение его наследному сыну. Ястреб милостив. Он прислушается к вашим разумным аргументам. Может быть.

Он направился в сторону выхода. Один шаг, два, три... Девчонка не из слабонервных. Четыре, пять...

– Стой.

Есть.

Не скрывая торжествующей улыбки, он повернулся к ней.

– Согласна?

Она поднесла руки к горлу, инстинктивно защищаясь.

– Я. Я... Я не смогу. Пожалуйста. Что-нибудь другое. Что хочешь.

Вот что самое возбуждающее. Не красота. Не юность. Не похоть, разрывающая штаны. Власть.

Он держал в руках ее стыд, ее страх, ее жизнь – и упивался этим.

Юноша не был жестоким. Он не бил своих женщин и думал об их удовольствии. Но он был молод и только осознавал силу своих когтей, только начинал понимать, что игра с едой может быть слаще обеда. Он чуял нутром хищника, что его жертва жаждет быть пойманной, молит, чтобы ее **застави-**

ли. Нет. Эту мышь он не отпустит.

Он покачал головой и сказал мягко, вкрадчиво:

– Ну конечно сможешь.

Он опустился на колени перед кроватью и стал ждать, не произнеся ни слова больше. Время застыло для них двоих, и он не торопил девочку, уверенный в своей силе.

Она просунула руку меж сжатых бедер, прикрытых полами халата, но он покачал головой.

– Нет. Так не пойдет. Разведи колени. Я хочу **видеть**.

Только что красная, теперь она была бледна, как полотно. Медленно, заставляя себя, согнула ноги и раздвинула их в стороны.

Он выдохнул. Девушка была перед ним вся как на ладони, раскрытая и беззащитная. Вмять это тело в матрас, сокрушить хрупкую нежность, разодрать. У него на лбу выступил пот, и он вцепился пальцами в кровать, чтобы не вцепиться в нее.

– Погладь себя. – голос уже не принадлежал ему, был низким и сиплым.

Она положила на лоно пальцы, но не лаская, а прикрывая. Он представил, как накрывает ее руку своей и помогает, направляя ее вверх, вниз, глубже... Видение было таким сильным, что он сморгнул и отвел взгляд, сбрасывая наваждение. Рядом с ней лежала забытая книга, ставшая причиной всему, и он взял ее, только чтобы не взять девочку.

– Гарем. Что за дрянь ты читаешь? Он перевернул томик и

стал читать вслух:

Склонившись над нею, он принялся играть с ее грудями, покуда они не отяжелели от желания, а соски не превратились в твердые розовые ягоды, молящие о поцелуях... Повинуясь их безмолвному, но страстному призыву, губы его сомкнулись вокруг одного соска, затем скользнули к другому. Ласки его жадного языка пробудили потаенную жемчужину страсти меж ее бедер...⁶

– Это тебя возбуждает? Эта дешевая пошлятина?

Он захлопнул книгу.

– Я бы не ласкал тебя так. Я бы раздвинул твои губы пальцем и тер бы твоё небо, а когда бы ты раскрыла рот в жадном стоне, я бы дал тебе свой язык и заполнил бы всю без остатка, чтобы ты могла пить только мое дыхание. Я протянул бы грубыми пальцами твои высокие соски и терзал бы их кончики, пока из твоих глаз не полились бы слезы от боли и сладости. Я водил бы своим членом по твоему клитору, не позволяя большего, и ты бы молила войти в тебя, разорвать тебя, сильнее, сильнее...

Он замолчал, задыхаясь. Губы девушки приоткрылись, она дышала тяжело, прерывисто. Она была вся мокрой, розовое лоно блестело от влаги. Указательным пальцем она терла клитор, быстро, яростно. Мучительный стон вырвался из ее горла – не могу, не получается.

– Замедлись. Еще. Медленней.

---

⁶ Стопроцентно Бертрис Смолл!

Она закрыла глаза, и он вел ее голосом, одновременно просунув руку в штаны и водя по своему члену в такт ее движениям.

– Не ускоряйся. Рано. Легче. Еще легче. Вот так. Хорошо. Добавь второй палец. Массируй. Еще. Еще.

Она кончила первой, затем он выплеснул себя, и темное пятно расплзлось на его брюках. Оба медленно возвращались в реальность, ощущая слабость, ужас, восторг. Ему хотелось коснуться ее губ, облизать прядь волос, курчавившуюся на виске, укусить ухо, поцеловать ресницы, грубо, больно трахнуть, чтобы она плакала и просила прекратить.

Резко, так, что в спине хрустнуло, он поднялся и вышел быстро, не оборачиваясь, чтобы не вернуться, не намотать эти золотые волосы себе на кулак, поставив ее на колени, драть эту круглую задницу. Сбежал. Печатая шаг, спустился на пролет ниже по лестнице и ворвался в первую попавшуюся комнату. Мужчина, женщина или сам дьявол – плевать: если там кто-то будет, он это трахнет.

Глава 2.

– Ева, это пиздец.

Я, в волнении ходившая по комнате все то время, что Хавьер читал, остановилась с испуганно колотящимся сердцем:

– Плохо?

– Плохо? У меня от твоих подробностей волосы на руках дыбом и хуй стоит как каменный, это плохо или хорошо? – непонятно почему, но он был зол, очень зол. Перестаралась, как есть перестаралась.

– Ну, это же и задумывалось, как порнушка для скучающих дамочек, а не корейская дорама для семиклассниц – с нервным смешком попыталась пошутить я, чтобы разрядить атмосферу, но Хавьер схватил меня за руки и завел их за спину.

– Со мной ты такого не делала. С кем тогда?

– Хавьер, это же просто роман, выдумка...

– Признавайся. С Майком?

– Нет. Клянусь, нет.

– С кем?

– Ни с кем, честное слово, любимый, мне больно.

В его зрачках плескалась бычья ревность, и реши он в этот момент, что я лгу, он бы, наверное, переломал меня пополам. Но я открыто смотрела ему в глаза, и он постепенно смягчился, не отпустил, однако ослабил давление.

– Значит, просто фантазия?

Я кивнула.

– Да. Фантазия. Ты же знаешь, я немного извращенка.

Он лизнул мою шею как вампир, от ямочки у основания до подбородка.

– Знаю. И люблю это. Хочу этого. – он подул на влажную дорожку, и я вся покрылась мурашками, соски сжались в пуговики. Хавьер заметил и удовлетворенно кивнул.

– Но раз ты никогда ни с кем такого не делала... твои описания, они ведь могут быть не совсем достоверны... – он не говорил, он мурлыкал, одновременно легонько покусывая мою челюсть, щеку, ухо.

– И что ты предлагаешь? – я отдалась его губам, обмякла в его руках.

– Ну, мы могли провести эксперимент... Повторить написанное шаг за шагом... Внести коррективы, если потребуются...

Как-то незаметно я оказалась с задранной майкой и спущенных до лодыжек трусах. Его пальцы были во мне и настойчиво, требовательно настаивали на капитуляции.

– Да, да босс. Вы правы, нам стоит детальнее проработать технику в этом отрывке.

Он милостиво кивнул и, крепко ухватив за ягодицы, натянул на себя.

– Хорошо, так и быть. Но сначала ты будешь наказана.

Дама червей

На рассвете я забылась тревожным сном. Мне снилось, что я на гладиаторской арене, моя кожа темна от загара, мышцы крепки, как литая медь. В висках стучит от адреналина и предвкушения. Сегодня я стану победительницей.

– У нас тут новенький. Заберешь его себе. – тон рудиирии не допускал сомнений, но я все равно взбрыкнула.

– Я не люблю избивать младенцев. Дайте мне настоящего воина!

На арену выкинули мужчину, худой нетренированный торс, меч держит неправильно, копна торчащих волос так и просит, чтобы за нее схватили и перерезали хозяину глотку.

Я недовольно скривилась.

– Немного славы заслужишь за такое. И что прикажешь мне с ним делать?

Тренер ухмыльнулся и подтолкнул меня к входу.

– Поиграй с ним.

В глазах пленника плескался животный ужас:

– Не убивай меня.

Я молча надвигалась на него, выставив вперед острие кинжала. Сделаю это быстро. Парень неумело взмахнул мечом, чуть не отрезав себе полуха. Одним движением выбив эту опасную игрушку из бесполезных рук, коленом я ударила его в солнечное сплетение. Не дав разогнуться, ударила еще, подсекла ноги, он упал на спину, как навозный жук.

Я села на него верхом и стала бить кулаками, голова моталась безвольно, как тряпка, кровь заливала ему лицо.

– Убей, убей, – скандировала толпа и я занесла кинжал, но вдруг встретилась с пленником глазами. В них была паника, обреченность и ... возбуждение. На пороге смерти этот идиот хотел своего палача! Сумасшедшая волна разгорелась у меня в животе. Я провела острием по его подбородку, наклонившись, слизнула кровь, слезы, пот и запах страха с губ. Люди на трибунах затаили дыхание, и я чувствовала единый пульс, гремевший у меня в ушах.

Мой рот касался его век, едва касаясь кожи, я проскользила по его щеке, выдохнула в ухо, прежде чем нанести удар.

– Ты очень вкусно пахнешь, Джон Уик.⁷

***

Я проснулась с колотящимся сердцем. Не сразу я осознала, что проснулась, а потом реальность утра навалилась на меня: комната, мама, таинственный незнакомец! Я прижала руки к щекам, мне захотелось исчезнуть, провалиться на несколько лет вперед, вернуться на ночь назад, запереть чертову дверь!

Вчера, после его ухода, я бросилась в ванную и отмывала до раздражения кожи этот взгляд, эти невидимые прикосновения.

Не нужно было заглядывать в сонник, чтобы понять значение ночного кошмара. Никогда до нынешнего момента я

---

⁷ Хавьер поперхнулся пивом, и закашлявшись, заплевал мне весь экран. – Хрена здесь делает Джон Уик, Ева? – отдышавшись, он начал конски ржать. – Откуда мне знать, – обиженно огрызнулась я. – Это ведь не мой сон!

не чувствовала себя такой беспомощной, такой униженной.
Такой возбужденной.

Кто это был?

Придет ли он снова?

Завтрак уже снова был на столе, но этим утром аппетита у меня не было – я с успехом ела сама себя.

С трудом дождавшись Николь, принесшую обед, я набросилась на нее с порога:

– Ну как? Расскажи мне все? Кого ты видела?

Николь, молоденькая горничная, была болтлива и добра. Не замечая моего метавшегося взгляда, она выложила все, что знала.

– Ой, я видела всех! Все такие красивые, нарядные, смеются! А как танцуют! Мы и танцев-то таких не знаем. Одежды у всех городские, ненашенские. А у одного господина был павлиний хвост, представляете!

– А принц? – бесцеремонно перебила я ее – принца ты видела?

– Конечно! Высокий такой, красивый, темноволосый, широкоплечий.

Я схватилась за спинку кровати. Значит, все-таки принц. Николь продолжала трещать.

– А Ворон, Ворон-то каков красавец! Темноволосый, высокий, плечи широкие! Все наши девчонки от него без ума!

Я вздрогнула.

– Тебя послушать, так они близнецы!

– Кто близнецы?

Тупая канарейка!

– Принц и Ворон!

– Истина, барышня, а ведь так и есть. – удивленно засмеялась Николь. – Красивые, чернявые, высокие...

– и широкоплечие... – обреченно закончила я фразу.

После ужина я накрепко заперла дверь и для надежности придвинула к ней кресло. Сама не зная, на что надеюсь больше: что он не придет, или наоборот, я легла в кровать не раздеваясь. В платье было неудобно, корсет давил на бока, но оно придавало мне иллюзию защищенности, и я решила его оставить.

– Все равно я не собираюсь спать. – Подложив подушки под спину, я попыталась читать. Но химия в меня не лезла, а злополучный "Гарем" я бы не взяла в руки и за большие деньги. Время было за полночь, но никто так и не появился. Измученная, голодная, уставшая от переживаний на секунду я прикрыла глаза, а когда открыла, то надо мной стоял он.

Я метнула взгляд на дверь. Кресло было на месте.

– Неплохая попытка. Очко в твою пользу. Но... – он махнул рукой. – ты забыла про окно.

Ну конечно, я забыла про окно. На самом деле про окно я и думать не думала. Мы ведь находились на высоте около десяти метров.

– Так хотел меня увидеть, что полз по карнизам?

Он рассмеялся.

– Трусишь и язвись. Мне нравится, как это смотрится.

Он замолчал. Смущен? Невозможно. Таким, как он, не свойственна скромность.

– Что тебе нужно сегодня? – Я старалась говорить гордо и высокомерно, но мой голос меня выдавал и еще взгляд... Мне казалось, что если он хоть на секунду посмотрит мне в глаза, то узнает все мои мысли, и поэтому старалась смотреть в сторону, не глядя ему в лицо.

– Если ты думаешь, что и сегодня заставишь меня...

– Нет.

Снова мгновение тишины, а потом он повторил.

– Нет. Я уйду. Я... Я не хотел приходить.

– Так не хотел, что пьяным полез на третий этаж.

– Я не пьян. Ладно, я пьян. Я не трону тебя, не бойся.

Если ты не попросишь. – с нервным смешком добавил он. Я промолчала. Скорее небо упадет на землю, чем я попрошу его о чем-то подобном.

– Но...?

– Но я хочу честный ответ на мой вопрос.

Я недоверчиво прищурилась.

– Всего лишь вопрос? Никакого подвоха?

– Да. Но ты ответишь.

– И ты просто уйдешь?

– Да.

– Я согласна. – быстро выпалила я.

– Так легко? – в его голосе послышалось веселье. – не начнешь выпытывать, что за вопрос, не будешь ставить ограничения?

– Нет. – я пожала плечами. – Это же всего лишь слова. Спрашивай, что хочешь.

– Всего лишь слова... Хорошо. Я не буду спрашивать, думала ли ты сегодня о том, что произошло ночью. Это я и так знаю. Но я спрошу, ЧТО именно ты думала – мысли, чувства – я хочу узнать все.

Я сразу поняла, в какую ловушку позволила себя загнать. То, что он требовал вчера – это было возмутительно, бесстыже и неправильно. Но то, чего он хотел сегодня... Я перехватила его внимательный взгляд: он знал. Знал, что мне понравилось, и хотел, чтобы я это признала.

– Почему у меня такое чувство, что лучше бы ты потребовал мою невинность?

Его глаза улыбнулись.

– Я распутник, но не подлец. И потом, это и вполнину не было бы так интересно.

– Поменяй условия. Уходи просто так. Я не игрушка для тебя. Я не могу!

– Ну конечно можешь. – в его глазах сверкнул хищный огонек. – Это же всего лишь слова.

Он нависал надо мной, огромный и жаркий. Во рту пересохло, меня парализовало от страха и чего-то еще. Он наклонил свои губы к моему виску, обжигая его своим дыханием.

- Ты возвращаешь мою невинную душу.
- Признай, как тебе этого хочется.
- Я буду кричать, – прошептала я.
- Да, – ответил он. – Очень на это надеюсь.

Валет пик

Он не думал о ней весь день. В окружении принца не было принято тратить время на размышления и сожаления. Круговорот развлечений увлек его, и если он и пил больше обычного, то это только его дело. К полуночи желание подняться в голубую комнату на третьем этаже стало навязчивым – просто чтобы проверить, закрыла ли она дверь в ожидании его. Но он умел справляться с навязчивыми желаниями. Это было несложно, отвлечься. Он был красив, и женщины сами вешались на него. Поднявшись к себе в спальню с горячей, готовой девкой, он развернул ее лицом к стене и быстро, жестко трахнул, удерживая за длинные желтые волосы. Закурив, отошел к окну. Девушка привела в порядок платье и подошла к нему ластиться, но он понял, что ему все отвратительно: и запах табака, и привкус вина во рту, и эта женщина, доступная и роскошная.

– Уходи.

– Но милый, мы же только начали... Она ласкающе провела пальцем по выпуклости его брюк, многозначительно облизала губы...

Он хотел оттолкнуть ее, вытолкнуть взащей, чтобы убиралась вон, но она уже распустила пояс и, опустившись на ко-

лени, умело опровергла все его возражения.

Он проснулся глубокой ночью, в час, когда молчали соловьи и самые стойкие пьяницы свалились под стол. Бесшумно, не потревожив спящую рядом девушку, надел штаны, рубашку, маску, подхватил початую бутылку вина и выскользнул в темноту.

Ее дверь была закрыта, и он так обрадовался этому, как будто ему сделали долгожданный подарок. Выйдя во двор, он нашел глазами ее окно – свет горел, но едва-едва. Не спит или спит со свечой. Ждет.

– Рапунцель, Рапунцель, сбрось свои волосы, – пробормотал он и, поплевав на руки, запрыгнул на карниз первого этажа.

***

Девушка дремала, полулежа в кровати. Она не разделась – он хмыкнул, без труда догадавшись о причине. Пользуясь моментом, без стеснения рассмотрел ее, мысленно стянув скромное белое платье. Шея, грудь, живот, бедра – прочертив взглядом дорожку по телу, он решил, что та, которая сейчас спит в его кровати, гораздо красивее и соблазнительнее. Тогда какого же черта он забыл здесь?

Она проснулась, распахнув огромные глаза, так же, как и вчера почувствовав его взгляд.

Она говорила, и он что-то отвечал, но перед глазами ткался пеленой мираж: завести ей руки за спину и связать поясом от платья. Подтянув к краю кровати, задрать подол платья

до самой груди, согнуть ноги и развести в стороны, насильно удерживая за колени, а потом, спрятав голову у нее внизу живота, пробовать на вкус, кусать, вылизывать до самого донышка, пока она не начнет скулить, как раненое животное.

Да что ж за колдовские чары насылает на него эта девка!

Нет. Он гость в доме ее матери, он не нарушит законов гостеприимства, не тронет девчонку. Пока не тронет.

Но поиграть. Поиграть можно прямо сейчас.

– Один вопрос и я уйду, – говорит он, и она так легко соглашается, не заметив дьявольского подвоха в уголках его улыбки.

Мгновение спустя она уже не так беззаботна. Ее глаза сверкают ярче изумрудов в колье фаворитки короля. Она смущена, разозлена, разгорячена, она упирается, но сдалась в тот момент, когда не закричала от ужаса, увидев его. Выдавливая из себя слова, признается:

– Я. Думала о тебе. Злилась. На свою бестолковость и беспомощность. Ненавидела. Твою наглость и развращенность. Желала тебе гореть в аду. Желала гореть в аду себе. Все! Уходи.

– Не все. – он и не думает двигаться с места.

– Ладно. Ладно! Я вспоминала, что я делала, КАК я это делала, как ты на меня смотрел и что мне говорил. Теперь доволен? Это – все! – она почти кричала на него, щеки были красными от смущения.

– Почти все – его тон был нежным, почти влюбленным. –

Но не все.

Она вскочила с кровати и стала ходить по комнате, то и дело беря в руки различные вещи: расческу, безделушку, бусы – пытаюсь обрести в привычных предметах равновесие. Наконец она остановилась у зеркала, словно это был портал в другой мир, в котором она спрячется от него. Он встал у нее за спиной, прикоснулся дыханием к ее шее, нашел ее взгляд в стеклянном отражении.

– Честный ответ. Ты обещала.

Он смотрел на нее, она на него. Она беззвучно молила. Он ждал.

Вдруг приняв решение, она закрыла глаза и расслабилась, на один вздох откинувшись назад, но и этого оказалось достаточно, чтобы граница между их телами, дистанция, которую он так тщательно соблюдал, исчезла. Она подняла свое лицо к нему и прошептала:

– Я мечтала, чтобы ты пришел и сделал со мной это снова.

И он ее поцеловал.

Он ласкал ее одними губами и сам удивлялся себе, что ему хочется быть нежным, растягивать это сладкое, но почему-то мучительное удовольствие как можно дольше. Его руки умело скользнули в корсаж ее платья, освободили грудь, сжатую корсетом. Она вскрикнула, когда он легко сжал ее соски пальцами. Оставив на мгновение ласки, расшнуровал платье и стянул вниз, оставив девушку лишь в кружевной сорочке и целомудренных панталонах. Холодный ночной воз-

дух тянул из окна, и ее кожа мгновенно покрылась мурашками.

Он притянул ее посильнее, соединив изгибы их тел, одной рукой обхватил плечи, груди, второй накрыл ее правую ладонь, направляя в глубину трусиков.

Она прерывисто, часто дышала, белье промокло от желания. Девушка протестуяще замотала головой, попыталась убрать пальцы, но он не пустил, удержал своими, поглаживающими движениями вдавил их вглубь лона. Когда она вскрикнула: тонко, испуганно, – ослабил нажим, успокаивающе коснулся ртом основания ее шеи: тише, тише. Он позволял ей гладить себя медленно, не давая найти ритм и кончить. Она выкручивалась в его руках, скользкая и задыхающаяся, пожалуйста, не мучай, быстрее. Прижав свой пульсирующий пах к ее выгнутому заду, он заставил ее совсем остановиться: не спеши. Покусывая ее плечо, шею, ухо, одновременно нежно сжимал грудь, тер соски. Она стонала, негромко, не осознавая себя, и когда она полностью потерялась, он наконец-то помог ей достичь финала, и она обмякла в его руках, потная, измученная. Он поднес ее пахнущую мускусом ладонь к своему лицу, облизал пальцы, просунул свои в ее мягкий, приоткрытый рот, потер внутреннюю поверхность щеки.

– В твоей книжке такое было?

Не сразу до нее дошел смысл его слов. А когда поняла – напряглась, дернулась из его объятия, вспыхнув от груди до

лба.

– Пусти!

– Ох и норовистая же – он держал ее как кобылу и разговаривал так же – уговаривал, умирлял. – Я не смеюсь. Немного. Не хочу обидеть.

Он подхватил ее на руки – она не успела возразить – отнес на кровать, сам лег рядом. Они были как две ложки в чайном сервизе, все тело девушки было открыто для его рук. Она пыталась было брыкаться, но он обездвигил ее, просунув ногу между колен, и стал легонько укачивать.

Ее глаза против воли сами собой закрывались.

– Ты меня обманул. Сказал, что не тронешь меня.

– Я не трогал тебя. – он лизнул ее соленое плечо. – Ты все сделала сама.

Девушка подняла тяжелую, сонную руку к его маске.

– Кто ты?

– Не надо. Не спрашивай.

– Ты завтра придешь?

Он хмыкнул:

– А ты хочешь?

– Нет.

– Тогда не приду.

– Вот и хорошо.

Она уже совсем спала. Он полежал еще немного, умиротворенный запахом ее волос, а потом осторожно отодвинулся от девушки, укрыл одеялом и покинул комнату тем же пу-

тем, которым пришел.

Глава 3.

– Так, с завязкой мне все понятно. Будет еще третья ночь, они переспят, потом он исчезнет, и когда они снова встретятся при свете дня, она будет думать, кто же из них – принц или его друг – приходил к ней в спальню, и в эти моменты терзаний можно вставить еще десяток прекрасных постельных сцен то с одним, то с другим...

– Так все прозрачно?

– Угу. Как стекло.

– Эх...

– Ну слушай, мир покоряли книги и с куда более примитивным сюжетом. К примеру, этот ее незнакомец мог вполне оказаться вампиром!⁸ Но как по мне, интрига высосана из пальца. Ну невозможно перепутать двух мужчин! Тем более один из них сын короля! Публичное лицо. Ну есть же газеты, монеты в конце-то концов. Не может быть, чтобы девушка ее возраста не знала, как выглядит будущий глава государства! Не бывает людей, настолько оторванных от реальности!

Тут Хавьер словил мой насмешливый взгляд и осекся.

– Хотя что это я в самом деле... Пожалуй, будь я Златовлаской, я бы не поставил и гроша на то, что ты узнаешь меня среди десяти моих сестер. Некоторые женщины не способны

---

⁸ А она бы в итоге стала его секретаршей

отличить известного режиссера, даже если он сядет рядом с ними в кино – обиженно прибавил он.

– И вовсе ты не был тогда известным режиссером.

– А вот и был.

– Не был. Вот ладно бы ты сказал Спилберг или Скотт...

– И ты бы отличила одного от другого.

– Ну разумеется. – я вздернула нос.

– Уверена?

– В чем?

– В своих словах.

– 100%. Спилберг же снял "Титаник".

– Это хорошо. – и Хавьер сунул мне под нос фотографию, на которой стояло около десяти мужчин в вечерних костюмах.

– Скажешь, где Спилберг, а где Скотт, и я готов вылизывать тебя всю ночь.

Я посмотрела на фото внимательней. Эти мужчины во фраках все такие одинаковые ...

– Нууу, не такой уж это и ценный приз...

– Признаешь, что была неправа?

– Нет. Вот они. – я ткнула пальцем в двух мужчин более – менее европейской внешности. Вроде бы они оба без очков.

– Где кто?

– Слева.

– Кто?

– Нуу, ты – точно третий слева...

– Ага. А рядом со мной Джеймс Кэмерон, который и снял "Титаник".

Я начала смеяться. Внезапно стало так легко и хорошо: по каким пустякам мы еще можем спорить!

– Не знаешь. Сдаешься?

– Не знаю. Сдаюсь. Так, а что я в итоге проиграла?

– Иди сюда. – он потянул меня на колени к себе между ног. – Наклонись пониже и я все тебе расскажу поподробней...

Дама червей

Весь следующий день я готова была влюбиться. Что означало, что я вела себя как дура. Проснувшись от того, что бабочки в моем животе бунтовали и требовали фантазий, я, зажмурившись, перебирала последние два дня. Я мечтала о приключениях, но и подумать не могла, что они сами войдут в мою дверь.

В моей голове уже рисовались картины одна ярче другой, как в полночь я сниму со своего ночного гостя маску, как он откроет мне сердце, признается в любви...

– и трахнет, а потом уедет, – добавляла мрачно взиравшая на все это гормональное безумие здравомыслящая часть моего мозга голосом матери, но я ее благополучно игнорировала.

К обеду у нас с незнакомцем уже было четверо детей, белый домик на берегу моря, и мы красиво старились, держась за руки и глядя на закат.

К вечеру мое настроение изменилось, и я начала упрекать себя за то, что я плохая дочь, распутная девка, не достойная своей фамилии, дура, разрушающая свое будущее вопреки чаяниям матери. Доведя себя до истерики, я рыдала в подушку около часа, пока не поняла, что слезы давным-давно закончились.

Потом меня ожидаемо охватило оцепенение и я, высморкавшись и умыв лицо, одела свое сердце в холод, а под платье кружевное белье.

Измотав сама себя, я уснула еще до одиннадцати.

Когда я открыла глаза, было раннее утро и вся моя одежда была на мне.

Он не пришел.

Валет пик

Сегодня он не искал для себя отговорок. Чуть дождавшись середины ночи, незаметно исчез из зала. Одетый в костюм католического священника, уверенным шагом пересек мощный двор, сутана цвета "пепел розы" развевалась за плечами.⁹

Он взлетел на третий этаж как на крыльях. Сегодня – никаких игр. Предвкушая, как вот-вот сожмет в руках нежное, упругое тело, словно вампир вопьется зубами в аппетитное розовое плечо, он перемахнул через раму и...

---

⁹ А я что говорил! Я знал! – Хавьер обрадовался, как ребенок, впервые сходящий на горшок самостоятельно.–Ну, это и правда была неплохая идея- снисходительным кивком строгой матери похвалила я. Мол, продолжай в том же духе.

Девушка спала. Растянувшись поперек кровати, подтянув правую ногу к животу, неудобно выкрутив руку – за ночь наверняка ужасно затечет, она сопела и ее рот был приоткрыт.

Не дождалась. Спящая красавица.

Он присел на кровать и уже хотел было разбудить ее поцелуем, но совершенно в данный момент неуместный укор совести остановил его. Сейчас было особенно заметно, насколько она еще ребенок. Шестнадцать, может семнадцать.

"Как будто тебя это когда-нибудь смущало" – никогда не смущало и, более того, эти мимолетные победы, девицы, в слезах брошенные в собственных спальнях после ночи жарких ласк, поверженные невинности, немые и громкие укоры тешили его, приносили недолгое удовлетворение, заполняя пустоту внутри.

Чем эта отличается от всех? – Ничем. Очередная наивная глупышка, сгорающая от сладости мимолетно укушенного запретного плода, влюбленная в призрак, тайну, опасность. Он забудет ее завтра, как только автомобиль пересечет ворота.

Но она спит и тем спасена.

– Живи, мышонок. И больше не попадайся злым котам. И птицам. – Он поднялся легко, приняв решение. – Оставить на память что-нибудь? В мгновение тщеславного самолюбования он решил было оставить свою маску, как немой укор глупышке, чего она избежала – и лишилась!, но потом передумал. Отпускать так отпускать. Но ему сувенир необхо-

дим. Он обошел комнату: фотографию, ленту, трусики или, может быть... Есть! Довольно спрятав находку под плащ, он подошел к окну и исчез так же бесшумно, как и появился.

Глава 4.

– Я не понял, откуда автомобили? У нас же вроде замки и Средневековье, нет?

– Не совсем. – Я налила себе бокал белого и села на диван перед телевизором.

– А как же Джиллиан?

– К черту. – я потянулась к тарелке с сыром и фисташками, стоявшей перед Хавьером. – Все это бессмысленно, мы все умрем.

– Ну-ка, ну-ка, мне не показалось? Это что за бред я слышу? Перешла в депрессивную фазу?

– Ага, – я кивнула. – Точно, в депрессивную.

По телевизору показывали Питера Пена. – Слушай, дорогой, ты знал, что это такой интересный фильм, почему я раньше его не видела?

– Да, это неплохая работа Хогана. – Хавьер отобрал у меня тарелку. Я вздохнула и посмотрела на него.

– Ева, ты же понимаешь, что все пройдет. Видимо, все-таки поздно, чем рано, но пройдет.

– Ага. Понимаю. Хавьер, не дави на меня. Я не идиотка и не паникерша. Ты же знаешь. Просто... Просто мне надо полежать, подумать, переосмыслить и принять эту новую реальность. Посмотреть детское кино. Поплакаться. Поесть. Дай мне время.

– Хорошо. – в его глазах была тревога, но он не стал настаивать.

– Давай подождем. – Он вернул мне орешки. – Так расскажи мне, в чем там дело с автомобилями?

– О, точно! Помнишь, мы смотрели мульттик этот, про замок на курьих ножках? Там еще девочка эта была, которую ведьма превратила в старуху.

– Ты про "Ходячий замок Хаула" Миядзаки?

– Обязательно всегда упоминать режиссера?

– Да.

– Эти ваши профессиональные комплексы...

– Дальше.

– Да, я про него. Мне нравится, как там органично переплетаются магия и прогресс, как техника взаимодействует с окружающим миром. Представь, колдунья на метле может лететь рядом с дирижаблем!

– Это другой мультфильм, но я тебя понял. Альтернативное Просвещение? Небывалый сплав науки и волшебства, дамы в кринолинах за рулем ягуаров, мужчины с саблями и в офисах?

– Точно!

– А знаешь, может сработать... – задумчиво протянул Хавьер. – стилизация под фантастические сказки 90х, что-то вроде того, что провернул Ричи в «Шерлоке» ... на широкоформатную пленку, в контрастных тонах, средневековые декорации, крутые тачки и белье от La Perla и Agent

Provocateur...

– Хавьер, эй, – я помахала рукой у него перед глазами. – Рассказ. Я пишу рассказ, а не сценарий для ленивых режиссеров.

– Да, да, я знаю – очнулся он. – Психотерапевтическая сказка для одной конкретно взятой сумасшедшей девицы... И я не говорил, что это ты, не пихайся. Кстати, а я рассказывал тебе, что по старой театральной традиции роли Капитана Крюка и Мистера Дарлинга играет один и тот же актер...

Валет пик

5 лет спустя.

– Я кое-что разузнал про наших ребят. Сир. – Ворон протянул принцу тонкое досье.

– Не густо. Есть за что зацепиться?

– Не густо. Но зацепиться всегда можно. Особенно если смотреть между строк...

Принц хмыкнул.

– Не сомневаюсь в твоем умении смотреть между строк. Ну так что там, Габирэль?

Ворон по памяти начал цитировать свой доклад:

– Гатинэ и ди Анджело. 21 и 22 года соответственно, студенты Высшей королевской школы, факультет химии, последний год обучения. Учатся вместе, живут вместе, всегда и всюду ходят вместе. Как давно в деле – неизвестно, но судя по всему не новички. Товар высокого качества, обычно продают поштучно через проверенных посредников, сами не

высовываются. На самом деле, они действительно осторожны. Мне пришлось размотать длинную цепочку, чтобы выйти на них. Местонахождение лаборатории выяснить не удалось. Судя по магическому происхождению вещества, один из пары неординарный маг.

– Кто? – голос принца был строг и серьезен.

– Ди Анджело. Я склоняюсь к ди Анджело. Он больше подходит, у них в роду много сильных волшебников.

– А Гатинэ?

– Мозг предприятия. Расчетливый, хитрый, изворотливый мозг. Все осведомители дружно сходятся в том, что парочка опасная, обладает определенной репутацией и очень, очень хорошо подчищает следы.

– И как же мы поймем их, таких безупречных? – Принц говорил полушутя, и тон его был обманчиво весел, но Габирэль знал, что сейчас с ним говорит не его друг, сейчас с ним говорит Ястреб. Государь.

По счастью, у Ворона был правильный ответ.

– О, сир, всего одно слово. Жадность.

Принц медленно кивнул, понимая, и глаза двух хищных птиц блеснули от мрачного предвкушения.

Дама червей

– Марк, ты уверен? – в сотый раз переспросила я, с чертыханьем натягивая тесные кожаные штаны.

– Уверен на сто процентов. Канарейка наш самый давний партнер, и он говорит, что дело стоящее.

– Я не люблю Канарейку. Он... он сальный.

– Признаю, он ведет себя с тобой... излишне развязно. Ты пробуждаешь в людях темные фантазии. Но таков был план, помнишь? Не говори сейчас, что ты не доверяешь несчастному парнишке, потому что он ведется на твои провокации.

– Да, но... Марк, дело не в этом. Я знаю, какой у меня имидж, но черт побери, тот же Фэй смотрит на меня не так.

– Фэй не предлагает нам сделку на тысячу золотых, а Канарейка предлагает! И аргумент "он противный" – не работает!

– Нет, это мы не работаем так! Я твой партнер и я – против!

Я не собиралась сдаваться легко. Все внутри меня протестовало против этого дела. Оно противоречило всем нашим принципам: не встречаться с покупателями лично, не смешивать работу и отдых, не делать сразу большие партии, не держать товар при себе.

Мы уставились друг на друга пылающими от злости глазами, и будьте уверены, не я первой отвела взгляд.

Марк закусил губу. Я видела, что в нем идет внутренняя борьба, но в конце концов он кивнул.

– Хорошо.

– Хорошо?

– Хорошо. Ты права, мы партнеры. Мы считаемся с мнением друг друга. Я скажу ему, что все отменяется.

Между нами повисло плотное молчание.

– Что?

– Я молчу.

– Ты очень ГРОМКО молчишь.

– Просто я тут думал... Мы учимся последний год. И с нашими сбережениями плюс эта тысяча... Наша мечта открыть собственное дело становится реальностью. Настоящая лаборатория, уютный магазин: ты создаешь духи – я продаю. Все, как мы представляли.

Настал мой черед отводить взгляд. Марк был прав. Все наши сделки приносили нам неплохой заработок, но большей частью он уходил в оборот и скопить нам удалось немного.

– Только один раз. Спрячем деньги и больше не рискуем.

– Клянусь, ми донна. – Марк прижал руку к сердцу и шутливо поклонился.

– Марк! Вот не смешно. Я уже жалею, что согласилась.

– Шел. – он посерьезнел. – Я знаю, как это опасно. Обещаю, это – первый и последний раз.

– Ну, – я положила одну руку на живот, другую – на грудь и сделала глубокий вдох через нос, чувствуя, как сжимается и опускается диафрагма. Медленно-медленно выдохнув ртом, поняла, что спокойна настолько, чтобы выйти из дома.¹⁰

– Что толку сомневаться, когда решение принято. Давай

---

¹⁰ А почему с тобой эта техника никогда не срабатывает? – спросил Хавьер, и на собственном опыте смог убедиться, что все-таки срабатывает. Я всего лишь скрутила ему неприличный жест, а не открутила голову.

сделаем это.

И, как и во все предыдущие пятницы за последние три года, мы отправились в ночной клуб "Мрачная гарпия".

Темно, шумно и полно сомнительной публики – описывая это место, эти определения – первое, что приходит на ум. По ночам в здании заброшенной фабрики на окраине города собирались самые маргинальные и опасные личности Кермана. Дешевые и дорогие коньяк, вино и виски лились рекой, и на первый – и даже на второй взгляд – это место не было тем, которое бы безоговорочно одобрила моя матушка. Но я не боялась. По негласному правилу все представители теневого мира столицы считали "Гарпию" нейтральным местом, в котором никто ни на кого не нападает. Здесь решались другие дела – гораздо более опасные, чем те, которые разрешимы с помощью кинжалов и пистолетов.

И здесь была музыка. Бунтарская, запретная, ритмичная, зажигательная, свободная музыка. Новая музыка. И именно ради музыки мы с Марком и были здесь. Ради быстрого темпа, динамики, энергии. Ради свободы самовыражения и раскрепощенности.

Татуированные с ног до головы крылатые изгои с разноцветными глазами пели и играли так, что каждая струна в теле отзывалась и стремилась в полет за дикой мелодией. Под звуки гитары, ударных, саксофона и расстроенного фортепиано мы танцевали, сбрасывали с себя налипшие тревоги, страхи, неуверенность и напряжение, чувствовали себя

сильными, молодыми, горячими. Неуправляемыми.

Нас построили новым порядком чуть свет,

Мы похожи на стаю бескрылых птиц,

Был объявлен ветер, но ветра нет,

Ветер трудно поднять шелестом газетных страниц ¹¹

Арлан, солист «Соколов» вышел на сцену и начал петь, каждым своим словом заглядывая в сердце.

И подпевая вместе с ревущей толпой, мы начали танцевать, забыв обо всем.

---

¹¹ Лидер «Соколов» удивительно напоминает молодого Макаревича

Глава 5.

– Дорогой, я тут подумала, а если нам начать заниматься вместе? – Хавьер не ответил, но я решила считать, что он просто не услышал, а не пассивно-агрессивно отказался. Вытирая влажные после душа волосы, я направилась в гостиную, на ходу продолжая свою мысль. – Представь, как было бы здорово, и ты бы немного развеялся...

– Нет.

Хавьер тупился в ноут, и на мой взгляд, не был ничем занят. Я обняла его и попыталась примоститься рядом с ним на кресло, но он, обычно благосклонно относящийся к моим кошачьим повадкам, в этот раз слегка раздраженно отстранился от меня.

– Ну куда ты щемишься! Тут нет места, не видишь?

– Ну тогда я могу просто сесть к тебе на колени...

– Ева, отстань, не видишь, у меня важная миссия.

Я посмотрела. На экране бегали роботы-трансформеры и трещали автоматами. Я протянула руку и одним движением захлопнула крышку ноутбука. Из динамиков донеслось затухающее «файер, файер» и через вздох пропало.

– Теперь нет.

Хавьер резко поднялся, и грубо протиснувшись мимо меня, вышел из комнаты. На кухне хлопнула дверь холодильника, и раздался характерный щелчок открывающейся бутыл-

ки пива. Опять.

Я знала, что мне стоит промолчать и не лезть, и моего порыва благоразумия хватило ровно до того момента, как мой благоверный вернулся в гостиную, сел на прежнее место и, включив компьютер, вернулся к игре.

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

– И долго ты собираешься вот так проводить время? – моя точка кипения уже булькала гневом, но Хавьер был невозмутим.

– Не знаю. Пока не надоест.

– Хавьер, это неправильно.

Он пожал плечами и промолчал. Я подавила желание ебануть его по голове вазой и решила попробовать другую тактику. Обхватив мужа руками за плечи, прошептала, приблизив свое лицо к его лицу.

– Давай не будем ссориться. Давай поговорим.

– Ева, ты своими мокрыми волосами щекочешь мне ухо! И посмотри на мою майку! Что за идиотская привычка не вытираться как следует! Если тебя устраивает ходить в сырой одежде, то я сто раз говорил, что меня это бесит!

– Ах, майка его моя не устраивает! А меня не устраивает, что ты пьешь каждый день и мало того, не чистишь зубы перед сном, а потом приходишь, когда я уже сплю, хотя я каждый раз зову тебя пораньше, и еще и воняешь на меня перегаром! Но я молчу!

– Нет, надо как ты, развести кипучую деятельность, хватать миллион дел и все бросить, раз в неделю потоптаться два притопа, три прихлопа двадцать минут, а потом пиздеть на других, что они не ведут правильный образ жизни. Давно вылезла из-под одеялка, под которым лежала, свернувшись калачиком из-за трудностей бытия?

Я начала хватать ртом воздух. Это было подло! Бить по больному месту!

– Я не бросаю свои дела на середине?

– Да? Я что-то не замечал раньше, чтобы эта гора книг и журналов раньше жила в этом углу! Или это новые веяния в фэн-шуй?

Замечание было не в бровь, а в глаз. Ударившись в роман и фитнес, я как-то все забывала довести до совершенства порядок в доме по японской системе, и куча неразобранных вещей укоряюще ждала своей очереди. Мне стало стыдно, но вместо того, чтобы признать свою вину, я бросилась в атаку.

– Я хотя бы пытаюсь, а не превращаюсь в заросшего небритого неудачника-алкоголика, находящего утешение в виртуальной реальности!

– Наверное, поэтому ты каждый день пристаешь ко мне со своей невообразимо реальной историей про идеальных принцев и злодеев!

Только сказав лишнее, ты понимаешь, что сделанного не вернуть. Мы замолчали – и в одно мгновение, я знаю наверняка, нам обоим хотелось обнять друг друга и взять все эти

ядовитые слова назад, но момент был упущен. Он отвернулся к экрану, а я вышла из комнаты, глотая бессильные слезы.

Весь день прошел в тягостном молчании. Хавьер играл и пил, я бросилась в уборку. Разобрала последний бастион хлама, внушая себе, что давно собиралась это сделать, а не потому, что меня ткнули в это носом. Пообедали каждый сам по себе, что-то перекусив на ходу из холодильника. На ужин решила приготовить пасту с морепродуктами. Закинула вариться пачку спагетти, разогрела на сковороде оливковое масло – много масла, к черту зож и прочую пиздежь!, добавила перца чили, острого, как все мои ответы, которые я прокручивала в голове, помидоры черри, упрямые, как лоб одного мексиканского барана, чеснок, злой как моя ярость и протушила все с морепродуктами пять минут, так же, как мои мысли тушились в голове последние пять часов.

И только когда подошло время открывать белое вино, я увидела, что именно эта бутылка по старинке не просто завинчена, а заткнута самой настоящей блядской пробкой, но признаться сейчас, что за все свои 42 года я так и не научилась толком пользоваться штопором, я не смогла бы даже самой себе. Ругаясь, как матрос, я впихнула острие в дерево, пытаюсь вспомнить, что мне нужно теперь делать с этими хернюшками по бокам: раздвигать, сжимать или вообще не трогать к чертовой матери, вытащила нафиг и взяв нож, решила студенческим способом пропихнуть пробку вниз... И в этот момент мои руки перехватили чужие: уверенные и

спокойные – и ненавистно легко, просто и быстро открыли злосчастное вино.

– Не трогай меня – буркнула я вместо благодарности и отвернулась. На глаза предательски наворачивались непрошенные слезы облегчения от того, что мы наконец-то помиримся и не будет теперь этого мучительного молчания, выматывающего душу и нервы.

Хавьер развернул меня к себе и крепко, крепко обнял. У меня в спине что-то хрустнуло, но ни за какие сокровища в мире я не хотела бы, что он держал меня не так сильно. В первый раз за день я наконец-то почувствовала себя в безопасности и, шмыгнув носом, вытерла лицо об его майку – ни на секунду не забывая, что он этого не выносит.

– Насцала в тапки, мстительная кошка? – в его голосе был смех. – Между прочим, ты можешь быть заразной.

– Так тебе и надо. Ты сказал, что я к тебе пристаю со своим рассказом.

– Так и есть. Но это не значит, что он мне не нравится.

– Ненавижу тебя.

– Знаю, любовь моя. Знаю. И ты в курсе, что на ужин у нас каша из спагетти и резиновых кальмаров?

Валет пик

– Мне хочется запечь это место в каталажку. Всех, от толстого бармена до Сокола, кривляющегося на сцене.

Начальник стражи принца передергивался от огромного количества преступников, спокойно сидящих и пьющих ви-

но.

Ворон ухмыльнулся.

– Не время, мой друг. Сегодня у нас другая дичь.

Принц с едва заметным выражением отвращения и любопытства осматривался по сторонам:

– Однако, в интересное место занесло наших птичек. И что ты, говоришь, они тут делают?

Ворон пожал плечами.

– Пьют. Поют. Танцуют. Видите их, сир?

Компания обвела глазами зал, ища тех, чьи описания были подробно описаны в тонкой папке, собранной за три месяца тщательных поисков.

Марк ди Анджело, второй сын барона ди Анджело от четвертой жены, Люсии дель Соль. Красивый изящный юноша, медовый сероглазый блондин с длинными кистями, узкими лодыжками и мелким, поджарым задом. Он танцевал так же, как выглядел – совершенно, вдохновенно, одухотворенно. На танцполе было жарко, и он расстегнул рубашку, без стеснения выставив на обозрение гладкую безволосую грудь и две сильные линии пресса, соблазнительно уходящие в глубину обтягивающих брюк.

– Милый, милый мальчик, – промурлыкал Ворон и облизнулся. – А где же девочка?

Шелена Гатинэ, единственная дочь Веледы Гатинэ. Внебрачная дочь. Поговаривают, 22 года назад, когда прекрасная юная дочь лорда ди Гатинэ принесла в подоле, и не смот-

ря на уговоры и угрозы так и не выдала, кто же отец ребенка, случился занятный скандал. Разгневанный отец выгнал блудную овцу из дома, лишив наследства и содержания, и пошумев, приличное общество успокоилось и забыло о несчастной, как вдруг через четыре года она посмела появиться живой, невредимой, раздражающе красивой ... и при деньгах. Купила загородный замок виконта ди Чери, привела в порядок и открыла отель, с казино и шлюхами, в очередной раз взбаламутив гадюшник высшего общества. На Веледу шипели со всех сторон, но она невозмутимо улыбалась и продолжала делать то, что делала. Поговаривают, что за ней стоит очень влиятельный тайный покровитель, но никакие попытки вычислить его не привели к успеху. Хладнокровную мамашу Гатинэ ни капли не волновало, что при свете дня высший свет отвергал ее, и она вполне довольствовалась тем, что с наступлением ночи те же самые люди выстраивались в очередь перед воротами ее отеля «Голый завтрак»¹².

Мужчины пристально разглядывали младшую Гатинэ, пытаясь разгадать, что же из себя представляет дочка.

Худая, плоская, вся состоящая из выпирающих косточек и острых углов, с короткими черными волосами, лезшими ей в глаза и в рот, она казалась скорее подвижным мальчиш-

---

¹² Уильям С. Берроуз, битник, писатель, его перу принадлежат несколько автобиографичных книг, например, «Джанки», о его жизни, как наркомана, убийцы и гомосексуалиста. Скандально известная книга «Голый завтрак» – его лучшее произведение. Неизвестно, почему железная Веледа остановила свой выбор на таком названии. У этой женщины было странное чувство юмора.

кой, чем девушкой в расцвете красоты. В худобе юноши была видна сила и гибкость, но в ребристости боков девицы сквозила одичавшее бездомного животного. Но было в ней что-то... То, как она двигалась в такт музыке, как яростно сверкали ее зеленые глаза, густо обведенные черной краской... Он вдруг понял, что не может отвести взгляда от капель пота на ее ключицах, и с трудом облизал пересохшие губы. Невозможно объяснить, чтобы настолько не женственное создание было таким вызывающе сексуальным. Какое-то смутное воспоминание промелькнуло в его голове и пропало, не успев ни за что зацепиться. Музыканты ушли на перерыв, и к их столику, беспрестанно озираясь и нервно дергаясь, шел Канарейка, ведя за собой спокойную парочку, не подозревающую о том, что их уже предали.

Дама червей

Еще «Соколы» не допели последнюю песню, как возле нас торчал Канарейка. Вертлявый, смазливый, мелкий, суетливый хореk с липким взглядом. Я едва терпела Курта Канарейку и Марк, прекрасно зная об этом, обычно вел все переговоры с ним без меня. Сегодня, однако, избежать встречи не удалось, и я с отвращением ощущала, как он, по своему обыкновению, мысленно меня раздевает, а может, что и похуже.

– Они уже здесь? – грубо спросила я вместо приветствия, только бы он прекратил на меня смотреть.

– Да, здесь. Товар у вас с собой? Где? – он с сомнением

посмотрел на наши наряды, не оставлявшие простора ни воображению, ни места для чего-то более объемного, чем носовой платок.

– Все при нас, – кивнул Марк. – Веди, Курт.

Канарейка развернулся в сторону столиков, мы с Марком направились за ним. В темном углу, из которого, однако, открывался прекрасный обзор на весь кабак, сидели трое в плащах с капюшонами. Заметно нервничая, дилер поклонился.

– Уважаемые господа, вот они.

– Вижу. Только что-то не слышу звона стекла. – подал голос один из мужчин.

– Я тоже не слышу звона. Монет. – нахально проговорил Марк, а я молча разглядывала покупателей. Их лица были скрыты в тени, черты лица было разглядеть невозможно. В этом не было ничего необычного, наши клиенты не стремились быть узнанными, но в животе у меня тянуло от беспокойства. Что-то не так. Интуиция подсказывала мне что-то, но медленные мозги никак не могли сложить картинку.

– Нам скрывать нечего. Хотите видеть деньги – пожалуйста. – и сильная рука подняла из-под стола тяжелый мешок, на мгновение рукав задрался, оголив узор татуировки. Nigrius... Колокола в моей голове застучали набатом. Я перевела взгляд на Канарейку: он был бледнее мошонки короля Артура и потным, как лучшая шлюха Веледы после рабочей смены. И в момент, когда Марк театральным жестом рас-

простер руку над столом и материализовал полсотни склянок первоклассного дурманного зелья, две вещи произошли одновременно:

До меня наконец-то
Мужчины поднялись
дошло, что означала фраза
и сняли плащи
Нигриус пицэ¹³
обнажив шпаги и лица
Чернее дегтя¹⁴
Именем короля и закона
Это был девиз
Вы арестованы
Королевского Ворона!
За изготовление и
Бежим!
Распространение наркотиков!

Я обеими руками перевернула стол, от звона бьющегося стекла зарябило в ушах, нападающие инстинктивно отпрянули. Марк сориентировался мгновенно. Схватив Канарейку, он толкнул его от себя на наших преследователей. А дальше мы не оглядывались. Вокруг нас творился адский пере-

---

¹³ Nigrius rice. [Нигриус пицэ] (лат.) Чернее дегтя.

¹⁴ -Так, Ева, я запутался, что ты хотела этим сказать? Где знаки препинания? Где смысл?—Тебе не нравится? А я была так горда этой находкой! – разочарованно протянула я –Не буду менять. Читай через строчку!—Ты бы хоть разными цветами выделила.—Боже, не давай мне сил, ни в коем случае. Убью его нафиг точно.

полох. Люди там и тут вскакивали со своих мест, хватаясь за оружие. Королевское правосудие в «Гарпии» – неслыханно, возмутительно, невысказано! Суматоха была нам на руку – эта дыра была для нас логовом, и мы мчались как крысы, не разбирая дороги, по столам, опрокидывая стулья. Перед нами толпа расходилась, замедляя стражей – мы были своими, они – нарушили правило.

Оказавшись на улице на несколько минут раньше погони, мы бросились врассыпную по давно намеченным маршрутам. Задыхаясь от боли в боку, протискиваясь вслепую по темным подворотням, я неустанно благодарила святого Ланселота и крашенные патлы его любимой Гвинервы за то, что когда-то я настояла на том, чтобы мы с Марком отработали план побега на случай такой вот задницы. К воротам нашего особняка я уже ползла, хватая ртом воздух и, дотащившись до кустов живой изгороди, рухнула в них, как подстреленный воробей. Переведя дух, я негромко свистнула и в ответ мне раздалось уханье совы. С сердца отвалился камень – Марк тоже добрался.

Я поползла на четвереньках на звук, и скоро мы с ним столкнулись лбами, от идиотизма происходящего расхохотались как ненормальные, зажимая рты грязными руками и размазывая по лицу слезы.

Спаслись.

Прошло два часа, а может быть, пять минут, когда мы смогли заставить себя подняться и двинуться к дому. Взв-

шись за ручку, Марк открыл дверь, вошел и заговорил:

– Шел, прости меня, умоляю, прости. Ты говорила, говорила мне не связываться, но я, набитый придурок, и слушать тебя не хотел, это я настоял, я виноват, Шел, если ты...

– Марк, – медленно заговорила я, – Марк. Дверь была...

– Закрыта, когда вы уходили. Умная, умная маленькая птичка. Ворон, Карл, кто не досмотрел?

– Виноват, сир. Больше не повторится.

По щелчку пальцев в комнате загорелся свет.

Замерев от ужаса, мы смотрели, как из кресла у камина поднимается высокий мужчина со строгими карими глазами и, сделав несколько шагов в нашем направлении, останавливается.

Свысока, словно на ничтожных ядовитых мошек, посмевавшихся своим жужжанием нарушить его покой, на нас смотрел его высочество Ястреб.

Глава 6.

– С Днем рожденья тебя, с Днем рожденья тебя, с днем Рожденья, дорогая Моника, с днем Рожденья тебя! – слаженно пропели мы с Хавьером, как только на экране появилось голубоглазое семейство Финнов.

– Спасибо, дорогие мои – рассмеялась Моника, и тут же отвлеклась на сына – Нокс, не вертись, поздоровайся с бабушкой и дедушкой.

– Пливет, Ева, пливет, дед, – помахал нам ручкой малыш. Не слишком чистой ручкой.

– Привет, милый. Здравствуй, Джейме. Как у вас дела? Как празднуете?

– Ну, как мы можем праздновать? – пожала плечами Моника. – В пять утра прискакал Нокс и потребовал "играть". Джейме включил ему свинку пеппу, что, конечно, было дико непедагогично, но...

– ...но чертовски действенно, скажи? Мы выиграли еще сорок минут сладчайшего сна.

– Потом мне торжественно подарили рисунок динозавра – Нокс, сбегай за рисунком, он на холодильнике висит, и новое кольцо – смотрите, какое стильное – она довольно протянула нам руку, на которой блестело действительно изящное и модное колечко, – никогда не понимала, как этот мужчина умудряется дарить такие обалденные подарки, хотя сам ...

– выглядит как деревенщина? Спасибо, милая, ты так добра ко мне всегда. Просто я всегда думаю о других, не то, что некоторые.

– Ай, Джейме, ну ты же не будешь отрицать, что эту уродскую майку с надписью «Hawaii» давно пора упокоить с миром, а не бесить своим дурацким видом любимую жену в ее же день рождения!

– Чем тебе не нравится моя любимая майка? Она чистая!

– Деда, смот’и, какой диназавик!

– Да, деда, посмотри на динозаврика. Это вроде бронтозавр. Или тиранозавр?

– Мама! Это твицеватопс!

– Да, глупая женщина, как можно было не узнать трицератопса, вот же воротник, а вот три рога! Учишь ее, учишь, а она... Скажи, Нокс?

– Мама гвупенькая! – захихикал Нокс, и Моника помрачнела.

– Мама не глупая, это папа тебя научил так говорить? – она свирепо уставилась на Джейме, и он замотал головой с невинным видом.

– У вас свои интересы, а у меня свои. Представляешь, Ева, эти два увальня только и делают, что целыми днями едят конфеты и смотрят Дискавери.

– Мы повышаем свой образовательный уровень!

– Да конечно!

– Не веришь? Вот скажи, какой динозавр является сим-

волом баскетбольной команды НБА из города Торонто в Канаде?

– Что?

– Ага, не знаешь! Нокс?

– Велоциваптов!

– Дай пять!

– Один из трёх динозавров, которые стали прообразом Годзиллы, является...

– Игуанодон.

– Деда, моводец!

– А ты откуда это знаешь? – недоумевающе уставилась я на Хавьера, и он пожал плечами.

– Я люблю Дискавери.

Мы с Моникой понимающе переглянулись.

– Это просто ужас, этот карантин. Мне кажется, я скоро буду выть по ночам на луну. Это какой-то мировой заговор против Овнов, я считаю. Нечестно, что я оказалась заперта вместе с ними – она кивнула головой на «них», смотрящих на любимую мамочку невинными глазами. – Мариза тут звонила поздравляла, так они вон вместе с Тьяго йогой занимаются, йогой, понимаешь!

– Ага, йогой они занимаются, йооогой, пониимаешь, Хавьер? – Джейме передразнил Моника, многозначительно закатывая глаза и играя бровями, и они с Хавьером мерзко захихикали.

– Придурок, – сказала Моника, закрыв сыну уши. – Как

есть, придурочный автослесарь. И зачем я за тебя вышла замуж?

– Наверное, потому что залетела. Ай! Хавьер, твоя дочь меня бьет.

– Моя жена меня тоже бьет. Такова наша участь, несчастных подкаблучников.

– Ой, ну лучше так, чем заниматься йооооогой, – удачно сострил Джейме, и мужики снова заржали.

– Видишь, видишь? А я что тебе говорила? – накинулась я на Хавьера. – Моника, я ему тыщу лет твержу, давай, мол, заниматься, пока песок не посыпался с тебя, а он: занимайся, дорогая, а сам сядет на диван...

– ...с гадским пивом....

– ...и ехидно комментирует...

– ...и Нокс бегает и повторяет за ним...

– ... и еще смеется! – в унисон закончили мы с Моникой и посмотрели на причины всех своих бед.

– Трындец нам, старик – резюмировал Хавьер, и Нокс радостно подхватил:

– Твынצעц, твынצעц!

– Ну, в общем мы, как обычно – подвела итог беседе Моника. – Все хорошо, и периодически мы даже любим друг друга. В настолку вчера вот играли.

– Папа выиграл маму, и мама плакава и звилась как маинькая – радостно сдал Нокс и Моника помрачнела. Проигрывать она не любила.

– Это было нечестно. Если бы он не перекрыл все дороги моему поезду, я бы наверняка его обставила, но он... , понимаешь, Ева, ему даже не нужно было в ту сторону!

– Ну а как по-другому? Смысл тогда играть, паровозики просто выставлять? Давай тогда в следующий раз кукол будем наряжать!

– Ой, все! Закрыли вопрос! Ева, папа, люблю вас! Нокс, помаши дедушке и бабушке!

– Пока-пока, – послушно помахал рукой мальчик, и они отключились.

Мы с Хавьером посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Они невыносимы, правда?

– Да уж, в своем репертуаре. Представляешь, если мы были сейчас у них? Шум, гам, крики, все бы по сто раз перессорились, дети носятся под ногами, Кира отлупила Джоша, Сантьяго всех организовал играть в прятки, Мариза и Кайли украдкой курят на балконе, я шиплю, чтобы ты не спавал Колина, Изабел комментирует, что платье на Монике слишком тесное и надо было взять на размер больше, Моника обижается, плачет и убегает, мы все дружно ее утешаем и возвращаем, и едим торт...

Мы замолчали.

– Мне не хватает этого.

– Мне тоже, дорогой.

– И меня злит, невероятно выводит из себя, что я не могу поехать и забрать своих детей. Я скован по рукам и ногам,

я бешусь! – не сдержавшись, в каком-то едином порыве Хавьер выплеснул то, что у него уже давно накопело. И только когда он это произнес, до меня наконец-то дошла истинная причина его дурного настроения и апатии. Он тоже переживал, но если я умело запиховала все тревоги на чердак своего мозга, то Хавьер крутил все в себе и наверняка прорисовал в голове всевозможные варианты от обычных до самых катастрофических. Наши дети были не с нами, и сколько бы мы не убеждали себя, что так даже лучше, что они под надежным присмотром, веселы, накормлены и гуляют на свежем воздухе, было ясно как день, что только когда наша семья снова станет целой, только когда наконец-то все будут дома, только тогда мы сможем выдохнуть, выплакать всю эту тягость неопределенности и разлуки, и наконец-то обретем спокойствие.

Я не стала ему ничего отвечать – и так все было понятно. Придвинулась к нему теснее, и он со вздохом меня обнял, и так мы и сидели рядом, думая об одном и том же и молча поддерживая друг друга в своих мыслях.

Дама червей

– На колени, когда разговариваете с его высочеством! – нас с Марком бесцеремонно пихнули, и мы упали на пол перед царственными ботинками Ястреба. Он хмыкнул и вернулся обратно в кресло, видимо, решив, что оно неплохо подойдет в качестве замены трону.

– Подойдите, – кивнул он, и нас тут же подволокли к нему.

Мы стояли перед ним, руки связаны за спиной. Хотя мы были выше Ястреба, психологически это не помогало, скорее наоборот: даже сидя, он подавлял нас. Страх почему-то не было – когда я поняла в баре, что нас раскрыли, когда бежала с выпрыгивающим сердцем по ночному городу – тогда я боялась, а сейчас – нет. Все уже случилось, и теперь от нас ничего не зависело. Ну, почти ничего. Я кинула косой взгляд на Марка – догадается ли он молчать? – и тут же получила по лицу тяжелой рукой.

– Не переглядываться! Смотреть только на Принца! Говорить только, когда спросят! Ясно? – в ушах у меня звенело и казалось, что голова держится на шее как-то неровно, во рту появился неприятный привкус металла. Ни я, ни Марк – небитые, непуганые, балованные дети – не издали ни звука, ошарашенные, ошеломленные насилием. У меня достало соображения кивнуть, у Марка тоже.

– Спасибо, Ворон. Дальше я сам. – Принц снисходительно кивнул своему ищейке, и тот на шаг отступил от нас.

– Вы понимаете, в чем вас обвиняют?

– Нет.

– Да.

Марк, идиот.

Ястреб улыбнулся так весело, что у меня сжался желудок.

– Умная девочка и красивый мальчик. Начнем с мальчика.

Значит, понимаешь, в чем виноват?

– Нет, сир, не понимаю.

Одумался, идиот. Да поздно.

– Запомнятовал, щеночек? Хозяйка сказала голос не подавать? Значит, не знаешь. Хорошо, я освежу твою память. Марк ди Анджело и Шелена Гатинэ, вы обвиняетесь в незаконном изготовлении и распространении психотропных наркотических средств и наказанием за такое преступление является срок тюремного заключения от 10 лет до ... смертной казни.

Я закусила губу. Конечно я знала, **чем** мы рискуем, но сейчас, слыша эти слова от представителя власти... От принца... Меня продрал мороз.

– У вас нет доказательств – выпалила я быстрее, чем Марк мог что-то ляпнуть и похоронить нас, и тут же адский огонь протянул мое тело. Я вскрикнула и упала на колени, слезы потекли из глаз. Больно, блядь, как же больно.

Меня грубо взяли за шкурку и подняли на ноги. Сфокусировав взгляд, я увидела Ворона. В его руке был хлыст, глаза горели черным дегтем.

– Еще хоть слово без разрешения, и я ударю тебя этим по лицу. Останется шрам на твоей и так не слишком привлекательной мордашке – уяснила?

Я молчала, от шока забыв, как говорить и как дышать. Медленно моргнула, и Ворон кивнул, удовлетворенный этим знаком. В этот раз далеко не отходил, стал за спиной. Я слышала тяжелое дыхание Марка, но посмотреть в его сторону не решалась.

– На самом деле доказательство есть – Принц продолжил разговор, как будто нас и не прерывали. – Хотя признаю, твоими усилиями – он кивнул в мою сторону – практически все было уничтожено. Однако... – он вытянул ладонь, накрыл ее жестом фокусника, убрал и... – кое-что уцелело.

Бутылочка, маленький пузырек, стоимостью в 25 злотых – оптом дешевле – и две человеческие жизни. Нам пиздец.

– Признаться, мне стоило больших усилий не открыть его сразу же. Вы должны гордиться – ваша слава бежит впереди вас. Говорят, что еще никто, никогда и нигде не создавал таких невообразимо стойких и качественных иллюзий как вы. Желание, страсть, удовлетворение – все ваши клиенты в один голос твердят, что эти заменители секса гораздо лучше секса. Не терпится опробовать на себе. Как думаете, стоит?

Даже не глядя на Марка, я знала, что все краски сошли с его лица. С моего сошли. Если Принц вдохнет наш наркотик...

Ястреб внимательно наблюдал за нами.

– Что здесь? – он спросил Марка и тот ответил быстро, видимо, опасаясь, что я снова влезу и отгребу по полной. Он был не так уж и не прав.

– Возбуждение. Но, сир, пожалуйста...

Характерный щелчок, свист – и Марк взвыл. Плеть Ворона прошлась по нему.

Ястреб откупорил бутылочку и вдохнул.

Я хотела закрыть глаза, чтобы не видеть того, что будет

дальше, но не могла.

Действие наркотика я могла расписать как по нотам.

Зрачки принца расширились, и глаза стали напоминать бездонные черные колодцы, губы пересохли, дыхание участилось, и я знала, что пульс подскочил так, что стучит в висках. Шея – и тело под мундиром – покрылось красными пятнами, руки покрылись мурашками, и член – я не смотрела, но это было и не нужно – рвал брюки. Хорошо, что не осталось удовлетворение, отстраненно подумала я. Если бы на глазах посторонних в королевской промежности расплылось предательское пятно, не сносить нам головы на этом самом месте. Хотя нам и так не сносить.

Ястреб меня удивил. Три ужасающе долгих удара сердца он сжимал и разжимал кулаки, и казалось, накинется на нас и задушит – или отымеет, но он овладел собой. Глубокий вдох из самого нутра – и его дыхание пришло в норму, а глаза просветлели.

– Кто? – он хрипел. – Кто из вас маг?

Я вздрогнула от удивления. Они не знали! Они думали, что зелье магического происхождения! Я быстро опустила глаза, чтобы не выдать свои чувства.

– Я. Я – маг. – идиот, благородный идиот – мысленно зашипела я и тут же устыдилась. Он беспокоится за тебя, Шелена, отругала я себя. Он говорит, чтобы ты могла молчать.

Принц удовлетворенно кивнул. Значит, так они и думали.

– А девчонка?

– Просто моя любовница. Учимся вместе. Кое-что знает, конечно, но магических сил ноль и, если честно, тупа, как пробка.

Свинья! Благородная свинья!

– Магических сил ноль, умом не блещет, и красотой, как мы видим, тоже... – протянул Принц. – Такую девушку ты выбрал себе в любовницы?

– Она очень страстная. В ней столько ярости и жизни, – весьма убедительно сказал Марк и, что удивительно, Ястреб, всматриваясь в него своими вдруг пожелтевшими глазами, ему почему-то поверил.

– Понимаю. – Он посмотрел на Ворона. – Уведите их.

– Одну минуту, сир.

– Да? – принц поднял брови. – Что ты учуял, Габирэль?

Парень не врет.

– Не врет, да. – Ворон обошел нас и остановился передо мной. – Но ...

и он рванул на мне рубашку, разрывая пуговицы, оголяя мою грудь

– ...и не говорит всей правды.

– Не трогай ее, ты, чудовище!

– Не трогать? По твоим словам, эта девчонка – огонь, и глупо было бы не попробовать ее, не так ли? – и Ворон сладко, очень сладко улыбнулся и заглянул мне в глаза.

Вот теперь я боялась. Боялась так, как никогда до этого, как пещерный человек боялся молнии, как кролик боится

удава. Этот мужчина парализовывал меня, подавлял своими глазами. Я, которая всегда могла найти, что сказать – не всегда уместно, но всегда могла – растерялась и превратилась в жалкое дрожащее ничтожество.

Я не могла даже прикрыться, а он насмешливо посмотрел на меня и произнес.

– Да уж, похвастать ты не можешь и **этим**. Я уж склонен и правда думать, что у тебя что-то спрятано **внутри**...

Он больно ущипнул меня за сосок, и я невольно вскрикнула.

– Убери от нее руки, а то..., – дергался от ярости Марк, но что он мог сделать – только смотреть.

– А то что?

– Я убью тебя!

– Прямо-таки убьешь? – веселился Ворон – А мне кажется, что скорее ты понаблюдаешь, как я прямо сейчас, на твоих глазах...

он взял меня за холку и, с усилием надавив, перегнул пополам

– ... распробую эту маленькую шлюшку...

– Прекрати! Еб твою мать, прекрати! Я все скажу! – заткнись, заткнись, что ты делаешь, Марк.

– Ворон! – голос принца был спокоен, но не оставлял ни тени для послушания. – Заканчивай.

– Заканчивать. – в голосе Ворона послышалось сожаление, но он нарочито медленно вернул меня в вертикальное

положение. – Значит, закончим. – и он резким сильным движением дважды ударил меня в солнечное сплетение, так что я согнулась в его руках, выкашливая свои легкие.

– Шелена, Шелена! – бесновался Марк, вырвавшись из рук державшего его стражника, он упал на колени и склонился надо мной. – Шел, как ты? – он плакал, как мальчишка, и я, повернув к нему голову, плакала тоже. Мы были такими наивными идиотами, когда хоть на мгновение думали, что сможем сохранить наши тайны в случае пытки.

– Отставить все. – тень Ястреба накрыла нас. – Вставай, девочка. – наклонившись, он подхватил меня подмышки и поставил на ноги, как куклу. Взмахнул рукой и веревки упали с моих рук.

– Хватит шуток. Отойдите от нас все.

– Сир, мальчишка готов говорить, вовсе не обязательно вам...

– Спасибо, Ворон. Твои методы мы сегодня уже увидели. – голос принца был холоден, и Ворон нехотя склонил голову, повинуюсь.

Когда все отошли, Ястреб взял меня за подбородок двумя пальцами и приподнял мое лицо.

– Смотри мне в глаза.

Я слышала о таком. Все знали, что члены королевской семьи умеют читать мысли, но общее мнение сводилось к тому, что немногие после этого остаются в своем уме, и лучше бы никогда, никогда не испытать на себе такого.

– Не повезло так не повезло, – еще успела подумать я, за-
вороженно наблюдая, как карие глаза принца желтеют, ста-
новясь нечеловеческими, **птичьими**. А потом пришла боль.

В глазах вспыхнуло, и меня перевернуло наизнанку, как
старый свитер. Я не видела ничего, я оказалась заперта внут-
ри самой себя – и я была не одна. Ястреб вторгнулся в мой
ум, в мое тело и давил, давил, подавляя. Я ощущала его при-
сутствие везде – как будто кончики пальцев, грудь, живот,
ноги – обрели разум – и были захвачены. Это было так раз-
рывающе страшно и мучительно – невыносимо – что я стала
бороться, выталкивать его из своей головы, мысленно цара-
пать – лишь бы это прекратилось, лишь бы никогда больше
не ощущать такого ужаса.

– Чем сильнее сопротивляешься, тем хуже. Если не пре-
кратишь, я тебя сломаю – его голос был везде, стучал в мыш-
цах, бежал по венам – колотл укусами тысячи невидимых иго-
лок.

– Мне больно, больно.

Внезапно он прекратил напирать, и я почти смогла ды-
шать. Его присутствие осталось, но стало не таким поглоща-
ющим, зрение прояснилось. Я была в комнате, белой длин-
ной комнате, полной разноцветных дверей. Где я?

– Это чертоги разума. – Он слышал мои мысли?

– Мы и **есть** в твоих мыслях. Твоя память за этими две-
рями. То, что мне нужно, где-то здесь. Где?

– Я не знаю.

– Я могу найти сам. Буду открывать дверь за дверью. – он снова был везде и нажал на ручку ближайшей двери. Я завизжала.

Представьте, что грабители врываются в ваш дом, срывая с мяса навесной замок, выламывая с петель дверь, и насилюют вас, бьют и растаптывают рамочки с фотографиями ваших близких. Подобное происходило сейчас в моей голове. Разделившимся сознанием я увидела, что настоящая я стоит на четвереньках и выbleвывает все, что когда-либо ела в своей никчемной жизни, я, застрявшая в плену своего мозга, внезапно вернулась на час назад в памяти и увидела себя со стороны.

Мы с Марком на траве у дома, ползем на четвереньках и сталкиваемся лбами и от идиотизма происходящего хочем как ненормальные, зажимая рты грязными руками и размазывая по лицу слезы. Спаслись.

Глупые дети.

– Хорошее воспоминание – голос Ястреба звучал странно – я понимаю, почему ты его сохранила. Но оно не нужно **мне** – и он потянулся к следующему замку.

– Нет! Нет! Пожалуйста! – я рыдала как безумная, протягивая к нему руки, умоляя.

– Покажи мне то, что я ищу, и я тебя отпущу.

Я всхлипнула.

– Я не знаю, как.

– Просто подумай. Я увижу.

Я закрыла глаза, попыталась изо всех сил, помотала головой.

– Не могу. Не получается. Ты слишком большой. Я ощущаю только тебя.

Раздался негромкий веселый смех – и давление исчезло, но теперь я знала, что боль может вернуться в любой момент. Не обращая внимание на бегущие рекой слезы, я снова закрыла глаза и на этот раз вспомнила.

– *Готово?* – *голос Марка полон ужаса и благоговения.*

– *Да.* – *я люблюсь на крохотную бутылочку на моем столе. Мой первый проект, мое создание – перед нами.*

– *Что в итоге сработало?* – *Марк почти шепчет, только он знает, скольких бессонных ночей, опаленных бровей и ресниц, и злых слез, порывов вдохновения и отчаяния стоил мне этот пузырек.*

– *Допамин 30, тестостерон 15, серотонин 5, норадреналин 40 и 10 процентов фенилэтиламина.*

– *Гениально. Шелена, ты гений. Мы заставим весь мир потеть от желания. Эге-гей-го, ебать вас в сраку, голубые рыцари Круглого стола и старик Артур в придачу, мы богаты! Богаты!*

Я улыбнулась. Марк – неисправим. Обожаю его.

– *Мы еще не выяснили, сработает ли трансформация при магическом копировании.*

– *Ты зануда, Шел. Гениальная зануда. Или зануда, но гениальная? На всем остальном срабатывало идеально.*

– Но все остальное не имитировало законы человеческого естества.

– Так что же мы медлим. – Марк провел руку над бутылкой и медленно, без обычного выпендрежа, клонировал бутылочку.

– Пробуем? Одновременно.

Я кивнула. Гораздо позже, создавая новые составы, я никогда более не допускала такой глупости – вместе пробовать неизвестный состав с неизвестным действием – но тогда, в 19 лет, совершая свое первое научное открытие, я пузырилась от радости, гордости и счастья – и совершенно не думала о безопасности.

– Ваше здоровье, миледи Гатинэ.

– Ваше здоровье, барон ди Анджели.

И откупорив свои пузырьки, мы втянули носом аромат желания...

– Волосатый хуй Мерлина и обвисшие сиськи Морганы, вот это неожиданный поворот сюжета, совершенно не по-королевски присвистнул Ястреб и исчез из моей головы.

Меня тряхнуло и вернуло в себя. Как мне и привиделось, я стояла на карачках в собственной тошноте. Меня снова вывернуло, и я закашлялась от боли в саднящем горле.

Принц переступил через меня, как через использованную тряпку.

– Обоих во дворец, – успела услышать я перед тем, как потерять сознание.

Валет пик

Его высочество потер свои монаршьи виски. Он пиздецки устал. Хотелось послать нахуй все государственные дела, вылакать бутылку виски из отцовских подвалов и уснуть мертвецким сном. Лет на сто.

Эти дети свалились на его голову чертовски не вовремя.

Он отодвинул от себя тонкую папку с их делом. Завтра она ощутимо распухнет. Совсем еще желторотые птенцы, но какие ушлые. Наверняка даже не представляют, сколько с ними геморроя.

– Ну и что с вами делать, еб вашу мать? – он не ждал ответа, но из угла, где сидел Ворон, раздалось веселое:

– Выебать и повесить. Ну или наоборот. Ты кого хочешь: мальчика или девочку?

– Шуточки у тебя, Габирэль... Как обычно.

– И когда ты успел стать таким ханжой, его высочество, а? Забыл, как у девок задницы кверху задирались от одного твоего взгляда? И не только у девок.

– Это было в прошлой жизни.

– Да, судя по всему так и есть. – Габирэль метнул в него бутылкой и Кай рефлексивно поймал.

– Ага! Есть еще реакция, есть! Пей, высочество, ты выглядишь так, словно тебе это необходимо.

Принц не стал ломаться и, вытащив зубами пробку, сделал добрый глоток прекрасного, обжигающего бренди. А потом еще один. В желудке слегка развязался тугой узел.

– Странно, но мне не хочется их вешать. Мне хочется их отпиздить ремнем, поставить в угол и посадить за уроки.

– А где в этом перечне выебать? Я бы выбрал парнишку. Он такой гладкий, тягучий, медовый... как карамель. Ммм... Уж я бы его наказал... – Ворон демонстративно облизал губы, и Ястреб невольно усмехнулся.

– Я вижу, ты тоже не горишь желанием вздернуть наши новые игрушки.

– Что ты, что ты, они такие хорошенькие, новенькие, чистенькие! Я мечтаю с ними поиграть. Девчонка не красивая, но такая бешеная... Как представляю, как она будет брыкаться и кусаться...

– Хватит с меня твоих сексуальных фантазий. По делу есть что сказать? – резко оборвал принц друга. Он и сам не понял, почему ему вдруг стало неприятно от видения Ворона и девушки в одной постели.

– По делу, говоришь. Они – курица, задница которой выдает золотейшие яйца. Глупо будет просто свернуть ей шею.

– Значит, и ты к этому пришел. – констатировал Ястреб и наклонил голову к плечу. Шея хрустнула. Соски Ланселота, когда он успел постареть?

– Ну, я умею думать не только хуем, ваше высочество. – Ворон потянулся как пантера и поднялся.

– Очень редко, – буркнул принц. Какого хрена по Габир-элю вообще не видно, что он устал. Между прочем, Ворон его старше на пару лет.

– Ну, не всем же быть такими занудами. Так, уже три ночи, и я пиздец как хочу спать. Пойду-ка я в постель. Один. – с нажимом проговорил Ворон и, дождавшись кивка Кая, слегка поклонился и вышел.

– Доброй ночи, сир.

– Доброй, доброй, вали давай. – как тут уснуть, когда голова забита дерьмом по самые очи.

Просидев над бумагами еще час – какого черта в сказках никогда не пишут о том, сколько ебучих забот у королей в этих их тридесятых царствах? – он решил пойти прилечь, но почему-то свернул налево и пошел в крыло, где заперли пленников.

Остановившись под дверью ди Анджело, принц прислушался. В спальне было тихо. Он приказал подмешать им в воду сонное зелье, и видимо, парень выпил достаточно, чтобы уснуть без задних ног. Действительно красивый мальчик, Ворон прав. Но он бы выбрал девочку.

Из комнаты Гатинэ доносились стоны и всхлипывания. Не спит. Поколебавшись недолго – на хрен ему вот это все надо – он все-таки достал ключ и вошел. Девушка разметалась по постели, одеяло сбилось в неопрятный ком, подушка валялась на полу. Она все-таки спала, но зыбко, неглубоко, завязнув в тягучих кошмарах. Вся промокшая от пота, разорванная рубашка разошлась, обнажив маленькие груди и впалый живот, кожаные штаны прилипли к коже, не давая дышать. Протяжно застонав, она перевернулась на живот. Не просы-

паясь, стала стаскивать с себя рубашку – больно, мама, мамочка. След от удара хлыста алел на тонкой спине и наверняка жег огнем. Ей сегодня досталось.

Он вспомнил, как отец впервые проник к нему в голову и как сидел потом с ним всю ночь, когда его выворачивало снова и снова, и вытирал ему слезы, когда он плавал в дремучем кошмаре, вопя от ужаса и зовя маму.

В каких видениях застряла эта девушка?

Он улыбнулся, вспомнив, как отчаянно она выталкивала его из своего сознания. Она сильнее, чем думает – и поэтому ей сейчас так плохо. Кай потянулся к ее разуму: легонько, без нажима, не глубоко – и сразу увидел зеленые, склизкие воды болота, тянувшие на дно сна, забивавшие рот и нос. Она барахталась и впустую звала на помощь, птицы клевали ей глаза: ворон и ястреб. Разрывая тонкую ткань чужого видения, он вытащил ее на руках из трясины и понес прочь, к свету. Она плакала и слепо повторяла: больно, больно. Представив море, он шагнул вместе с ней в волны, и ласковая вода обняла их, баюкая, успокаивая, смывая ужас и кровь.¹⁵

Он шептал ей какую-то несурязицу, как когда-то шептали ему, отдавал неясный невыплаченный долг, твердя, что он рядом, что все хорошо, что скоро рассвет. И, когда наконец ее дыхание выровнялось и стало глубоким, он оставил де-

---

¹⁵ – Вот любите вы, бабы, вечно сделать из нормальных мужиков каких-то нежных слюнтяев! – недовольно пробурчал Хавьер. – Так, отдай сюда ноут, достал меня своими комментариями – я была ранима в такие моменты, а кто не раним? – Нет, подожди, я еще не дочитал, надо же узнать, что там в последнем абзаце.

вушку в прибрежных водах целебного сна и наконец-то ушел к себе, даже и не надеясь уснуть в эту ночь.

Глава 7.

– Вставай, вставай, вставай, штанишки надевай! – прогудело у меня над ухом, бесцеремонно выдергивая из снавидения.

– Что за фигня? – возмутилась я и отвернулась на другой бок.

Хавьер пощекотал мою пятку, и я резко втянула ногу под одеяло.

– Отстань! Я сплю!

– Нет, уже не спишь, шесть утра на часах, вставай, тюлень.

– Шесть утра? Ты ебанулся? Я спать хочу! – я накрыла голову подушкой в качестве последнего аргумента.

Хавьер стянул с меня теплое одеяло, и я закричала.

– Верни, верни, дикий ты козел, холодно!

– Быстро вставай и идем заниматься!

– Что? – я аж открыла глаза. – Заниматься? Чем? Сексом?

– Сексом я уже занимался, а сейчас мы идем заниматься фитнесом.

– Фитнесом?

– Хуитнесом. Вставай, не беси меня. Проела мне плешь своим спортом, а когда я решил согласиться – на попятную? Нет уж, я покажу тебе, что такое настоящая тренировка!

– Нет.

– Нет?

– Нет. Я хочу спать. Я не выпалась. Сейчас шесть утра и мы можем заняться фитнесом попозже. Часов в десять. После обеда. Есть еще вечер, в конце-то концов! Отдай мне немедленно одеяло, я замерзла.

– У тебя толстая жопа.

– Что?!

– У тебя толстая ленивая жопа. И будет еще толще. И когда она через месяц станет настолько толстой, что на тебя не налезут любимые джинсы, ты выебешь мне все мозги своим нытьем: Хаавьер, я такая толстая, у меня уши торчат, у меня жопа висит, ляжки не пролазят в штанины, почему ты мне не сказал, что я жирная, а когда я отвечу тебе, *mi diosa*, мне нравится твоя круглая толстая задница, ты начнешь рыдать и причитать, что я тебя разлюбил, и не обращаю на тебя внимания...

– Все, все, закрой рот! – я в бешенстве вскочила с кровати и схватила валявшиеся под ногами лосины. – Ну блядь, я покажу тебе, кто из нас толстый! Пошли!

И под довольный смех умело раздраконившего меня мужа я пулей рванула в гостиную, совершенно позабыв о том, что пять минут назад мечтала лишь о сне.

Спустя двадцать минут я мечтала лишь сдохнуть.

– Ха...Хавьер, что за адский пиздец вместо тренировки ты мне подсунул?

– Это, моя милая, высокоинтервальная сорокаминутная тренировка на все группы мышц с элементами пилатеса и

йоги от Beach Body. А не твоя ритмика для детишек.

Я задыхалась, пот градом тек со всего моего тела. Колени! У меня были потными даже колени, а сердце колотилось так, что казалось, я сейчас получу удар, инфаркт и разрыв аорты одновременно.

– Я. Не. Могу. – я легла на пол и положила голову на руки.

– Все. Бобик сдох.

– Если вы сейчас остановитесь, это будет огромной ошибкой, – весьма похоже процитировал Хавьер мою любимую Джиллиан, и я скривилась. У некоторых слишком хорошая память.

– Плевать.

– Еваааа, толстаааая зааадницааа.

– Тебе нравится моя задница. Я устала.

– Ну ладно – не хочешь – не надо. Но очень жаль, потому что я заметил, что на твоей попе уже прорисовываются такие прекрасные крепкие мышцы...

– Правда? – я подхватила.

– Конечно. Вот, напряги ягодицу. Чувствуешь, как она на глазах становится все более упругой?

Он смеялся надо мной, козел.

– Пиздишь?

– Ты не можешь знать наверняка.

– Говоришь, видно изменения?

– Клянусь.

– Да что ж ты будешь делать, ты хуже эдамского змия!

– Ну не даром же ты Ева.

– Хватит трепаться, лучше помоги мне встать, мучитель!

– Давай, отрывай свою толстую...

– Еще одно слово про мою задницу, и ты занимаешься сексом без меня до конца карантина.

– Вот за что я тебя люблю, дорогая, так за то, что ты умеешь приводить **неопровержимые** доводы в свою пользу.

Ну, раз-два-три, продолжили!

И мы продолжили.

Дама червей

Утро не было добрым.

Тело болело. Голова болела.

Не сразу сообразив, где я, через секунду осознание накрыло меня.

Нас поймали. Пытали. Мы во дворце. Что с Марком?

Мучилась в догадках я не долго.

Скоро дверь открылась, и вошел вчерашний стражник, не Ворон, другой.

– Идем.

Руки мне не связывали. Я шла за охранником по извилистым коридорам то вверх, то вниз, поражаясь идиотской запутанности планировки дворца. Хотя, это, наверное, против злоумышленников. Залезешь вот так тихонечко спиздить столовое серебро с вензеля и сгинешь навеки в одном из бесконечных замковых закоулков. Я как раз размышляла, рискнула бы сунуться в замок за подвесками королевы, имея

на руках план здания, как мы пришли.

Стражник подтолкнул меня к входу, заметив, что Марк уже был там, на первый взгляд здоровый и невредимый, я немного повеселела и вошла.

Марк, увидев меня, сразу бросился обнимать и так крепко стиснул, что я охнула от боли:

– Спина!

– Ой, прости, прости, Шел, как ты? Тебя не обижали?

– Нет, нет, Марк, все хорошо, ты как?

Убедившись, что с другом все в порядке, я осмотрелась. В комнате кроме нас был принц-Ястреб. Ворона не было, и я тихонько выдохнула. Не хотелось признаваться в этом даже самой себе, но этот мужчина вселял в меня ужас.

– Он занят другими делами. Подойдет позже. – Оказывается, Ястреб только делал вид, что не смотрит на меня. Проницательность принца внушала серьезные опасения. Ну почему в сказках героям попадают тупые и недалекие правители, а нам достался вот этот? «Наверное, ты в другой истории, Шелена, в которой благородный и справедливый принц наказывает глупых и жадных злодеев», с печалью констатировала я.

– Плохо быть на неправильной стороне, – пробормотала я, – но Принц услышал.

– Жалеешь?

Я заглянула в себя.

– Жалею, что уступила Марку с этой авантюрой. Если бы

мы не пришли, вы бы нас никогда не прижучили.

– Но мы вас прижучили.

– Что есть, то есть. И что теперь, сир?

Я сама удивлялась собственной дерзости, но почему-то, после того, как этот мужчина побывал в моей голове – я невольно вздрогнула от воспоминания о пережитой боли – мне казалось, что я его давно знаю. Я чувствовала, что его забавляют мои смелые ответы и собиралась воспользоваться всем своим обаянием, чтобы выторговать наши жалкие жизни.

– А сами как думаете? – он кивнул нам с Марком, и мы ответили одновременно:

– Смерть.

– Тюрьма.

– Просто чудо, что вы попались только сейчас, учитывая слаженность ваших ответов последние два дня. – Принц издевался – и поделом нам – мы действительно показали себя не очень хорошей командой.

– Ну, как показывает практика, выгодно дать слово первому тебе – и он посмотрел на Марка. Последний глянул на меня виноватыми глазами и, расправив плечи, гордо сказал:

– Вы казните нас на главной площади в назидание всем остальным.

Я невольно залюбовалась его посадкой головы, его высокомерным тоном... Благородный идиот. Любимый.

– И сделает из нас мучеников? Соколы только и ждут по-

вода поднять восстание, и твоя смазливая физиономия отлично будет смотреться на повстанческих штандартах. Не надейся, ди Анджело, нас сгноят в тюрьме, и мы будем сидеть там до глубокой старости, а когда нам исполнится лет тридцать, то нас выпустят сломленными развалинами и с позором отправят на все четыре стороны.

Марк в ужасе выпучил на меня глаза. О таком он, конечно же, не подумал. С честью принять смерть он был готов, но всю жизнь просидеть за решеткой... Это было страшно.

Ястреб ехидно меня похвалил.

– Тебе пятерка, Гатинэ. Точно и красочно. Особенно мне понравился пассаж про старых тридцатилетних калек. – что-то в моих словах его рассмешило, но я не поняла, что.

– На самом деле есть третий вариант, -добавил его высокочество без тени улыбки.

Мы с Марком переглянулись. Ничего другого нам в голову не приходило.

– Присядьте, дети. Нам есть, о чем поговорить.

***

– Работать на вас? Да лучше сдохнуть!

– Никогда и ни за что!

– Ну наконец-то вы проявили единодушие. Только вы не поняли меня. – Ястреб наклонился в нашу сторону, веселье пропало из его глаз, голос стал стальным, а взгляд холодным.

– Или вы работаете на благо королевства и живете, либо мы объявляем вас государственными изменниками со всеми

последующими вытекающими.

Мы побледнели. Подставиться под удар самим? Мы были молоды, безрассудны и не боялись ничего, кроме скуки. Любое наказание мы смогли бы принять. Но признание изменниками...

Такое обвинение ложилось не только на одного человека, а на всю его семью. Фамилия покрывалась позором, вычеркивалась из всех генеалогических деревьев, а имущество подлежало конфискации короной. Подставить самых дорогих нам людей, единственных, чьим мнением мы, два безрассудных оболтуса дорожили, отнять у родителей ди Анджело их имение и виноградники, у моей матери отель... Я сглотнула подступившую горечь.

– Я согласен. – на Марке не было лица, на висках выступил холодный пот, но голос его не дрожал.

Мы заслужили.

– Согласна.

Ястреб сложил на груди руки и кивнул, еле заметно улыбувшись.

– Значит, настало время заключить сделку.

Он поднял трубку телефонного аппарата и проговорил.

–Сирин¹⁶? Попроси Колина зайти ко мне в кабинет.

---

¹⁶ -Сирин? А это разве не из русских сказок? Мне кажется, у нас тут Персиваль и прочий Грааль, нет?–Напомни мне в следующий раз НЕ давать тебе читать незаконченные романы.–Нет, но Сирин. Мне не нравится Сирин. Давай назовем ее Эгвейн?–Хавьер. Не приставай к Сирин. Как-никак, она секретарша принца.–Ты хотела сказать, к Эгвейн.–Ну ты противный.–Все для тебя, любимая.

Валет пик

Колин достался ему от отца.

Седовласый мужчина за пятьдесят, еще крепкий, и, по мнению многих придворных дам, весьма и весьма привлекательный. Ястребу было плевать, как выглядел Колин. Гораздо важнее было то, как он умел составлять документы.

Если придворный мир Кермана и кишел акулами, то Колин был ловцом на них и крепко держал на крючках каждого, кто хоть раз в жизни подписал какую-то бумагу.

Влиятельный юрист, прожжённый делопроизводитель, он умел составлять договоры так, чтобы возвысить и уничтожить, обогатить и разорить одним нужным незамеченным словом в подпункте соглашения.

И именно Колина позвал Ястреб заключить трудовые контракты с Гатинэ и ди Анджело.

– Все ли вам понятно в этих документах? – заботливым голосом доброго дедушки поинтересовался адвокат.

Ястреб ожидал, что девчонка опять выскочит первой, но на удивление она промолчала и бросила косой взгляд на друга.

– Вполне. – хмуро ответил Марк. – Согласно написанному здесь, мы переходим в полное распоряжение короны на три года с возможным последующим односторонним обновляемым продлением контракта на один год, и наша заработная плата будет соответствовать уровню нашей квалификации, установленной соответствующими инстанциями.

– Вы очень точно пересказали составленный договор, молодой человек – Колин уважительно поднял брови. – Да, вы все правильно поняли.

– То есть мы делаем все, что говорит принц, три года и возможно, еще один, и платить нам будут в зависимости от того, насколько мы будем стараться? Так?

– Так, да не так, Шел. – Марк скривился. – Смотри, если прочитать поверхностно, ну, так как ты, то кажется, что нам придется работать максимум четыре года, но если обратить внимание на слова односторонне обновляемый... По сути это значит, что принц каждый год может продлевать контракт на год и так...

– До бесконечности.

– Да. Мы в рабстве, Шел.

Ястреб и Колин переглянулись. Впервые на памяти Кая кто-то раскусил его юриста.

Девушка побледнела.

– А деньги?

– О, тут вообще очень тонко и красиво, я три раза перечитал, пока понял.

Марк подошел к креслу Шелены и ткнул пальцем в нужную строчку. "Квалификация, установленная соответствующими инстанциями". Шел. У нас нет квалификации. Мы – студенты-недоучки и не имеем диплома, поэтому любая соответствующая инстанция установит наш тарифный разряд на самый нижний уровень. Мы будем работать за еду. Высо-

чество, кормить нас хорошо хоть будете? – горьким тоном спросил он Ястреба?

Раздались хлопки.

– Bravo, молодой человек. Bravo. – глаза Колина сияли. – Вы не представляете, сколько лет мне не встречался никто, настолько разумный, как вы, как приятно мне, что это все-таки произошло и как прискорбно, что в таких обстоятельствах. Говорите, вы химик? Жаль, очень жаль. Вы прирожденный юрист.

– Да какой из меня юрист! И химик из меня херовый, иначе не нахимичил бы эту заварушку.

– Мы нахимичили ее вместе, это не только твоя вина – Шелена дотронулась до руки Марка в попытке утешить.

– Ну, – принц решил прервать затянувшийся обмен любезностями – раз все все поняли – подписывайте.

Ди Анджело, опустив плечи, повиновался, девчонка тоже поднялась, но не пошла к столу, а встала перед Ястребом.

– Я не согласна.

– Не согласна?

– Нет. – почувствовав себя в своей стихии, она выпрямилась. – Это не контракт. Это – форменное наебательство. Вы нам предложили выбор: темница или работа, но на самом деле не предложили. Переписывайте или сажайте за решетку.

– А как же ваши родные?

– Как-нибудь выкрутятся. Переписывайте.

– Нет.

– Вы не заставите нас работать вот так.

– Еще как заставлю.

– Мы сбежим. Я – талантливый химик, Марк – сильный маг.

– Мы вас поймаем.

– Не сразу. Не без потерь. Мы будем сражаться за свою свободу. Представьте, что будет, если вместо флакончика с похотью человек вдохнет смертельный яд, который выкрутит ему кости и раздробит глазницы?

Она была прекрасна в своем страхе и гневе. Он любовался этими злыми сияющими глазами и думал, что не даром он вчера не увидел лжи в голове ди Анджело. Потому что тот не лгал. Кому нужна пустая красота, когда можно получить такое?

"Она будет моей" – именно в тот момент решил он, а вслух произнес:

– Какая прелесть. У тебя есть такой яд? В хозяйстве бы весьма пригодился.

Она как-то разом погасла и снова стала обычной.

– Нет. Конечно, нет. – устало произнесла она и шепотом добавила. – Пока нет.

– Как показывают статистические данные, по результатам исследований, проведенными независимыми неофициальными источниками, производительность сотрудников предприятия эффективнее в несколько раз при условии мотивированности работников высокой оплатой профессионально-

го труда и качественными условиями работы.

Ястреб уставился на Марка округлившимися от изумления глазами.

– Что, задница Ланселота, вся эта чушь значит?

– Мы будем работать в два раза лучше за деньги, в хороших условиях и зная, что в какой-то момент сможем быть свободны.

Ястреб обвел глазами присутствующих.

Ди Анджело дрожал, но держался прямо, Гатинэ, набывшись, сверлила его исподлобья, Колин откровенно веселился.

Принц вздохнул. Сейчас бы добрую шлюху и кувшин вина, а лучше два, и завалиться спать на сутки, как в старые добрые времена. Эх, молодость, молодость.

– А что за независимые неофициальные источники? – спросил он.

– Я сам.

– Почему я не удивлен. Что скажешь, Колин?

– Скажу, что они заслужили отличную порку и честные условия.

Ястреб закрыл глаза и снова открыл.

– Давайте попробуем и посмотрим, что получится¹⁷. Действуй, юрист.

---

¹⁷ Поклонники ЛМБ наверняка узнали любимую цитату Грегора

Глава 8.

– Хавьер, ты помнишь, как придумал свой первый фильм?

Хавьер отложил телефон, снял очки и потер переносицу, сочно, до хруста в суставах потянул спину и лишь потом ответил.

– Конечно, помню. Мы с Изабелл развелись, Моника, квартира и все наши небольшие сбережения достались ей – я не был против, на самом деле. Я тосковал. Пил. Потерял работу помощника режиссера. Оброс как дикарь.

– И что произошло?

– Ничего. Никаких откровений, если ты про это. Ко мне не подходил старик в длинном одеянии, не снился вещий сон, Моника не выдала никакую истину своими детскими устами. Почти два года я потратил на какую-то ерунду. Смотрел, как другие жили моими мечтами: женились, заводили детей, создавали кино. Не знаю, что изменилось. Наверное, время прошло. Я сидел перед телевизором, шел фильм, странно, я, наверное, должен был запомнить его, но не запомнил. И я подумал: я могу лучше. Мне есть что рассказать. Поднял старые связи, получил финансирование своего первого проекта – удивительное дело, он был про то, как двое влюбляются, женятся, а потом разводятся – с чего бы это? – печально пошутил Хавьер, прежде чем продолжить.

– Критики и зрители благосклонно приняли мой фильм,

меня заметили, а дальше одно потянуло другое, и как-то постепенно все наладилось. Я простил Изабелл, простил себя, перевернул эту страницу и начал жить дальше. Да я тебе уже рассказывал все это.

Я кивнула. Рассказывал. Но не так.

– А ты никогда не боялся того, что у тебя закончатся идеи? Что ты однажды снимешь все, что придумал, а нового не будет? – я не смотрела на мужа, но он понял.

– Нет, не боюсь. Никогда. Что фильм не выйдет таким, как я представлял, что не будет принят публикой – боюсь постоянно. Но не того, что у меня закончатся истории.

– Но почему?

– Ты боишься именно этого? Что не найдешь, о чем писать?

Я кивнула.

– Значит, ты еще не поняла.

– Чего я не поняла?

– Просто не поняла.

– Объясни!

– Ну как тебе объяснить, если ты не понимаешь. Значит, тебе пока рано знать.

Я вздрогнула от сильного дежавю. Когда-то, в прошлой жизни, мне уже говорили эту фразу.

Я знала, что расспрашивать Хавьера, когда он в таком настроении – бесполезно. Неясное волнение снесало меня и, чтобы отвлечься, я открыла ноутбук и вернулась к своим ге-

роям.

Дама червей

Я обратила внимание на Марка в первый же день в университете. Красивый, шумный, веселый – он притягивал взгляды не только девушек, но и парней.

Тогда мы не подружились: мне он показался вертопрахом и раздолбаем, он же вряд ли меня заметил вообще.

Нас свел случай.

Моя соседка, с которой мы целый год мирно снимали небольшую квартирку, на втором курсе внезапно обзавелась серьезными отношениями и поставила меня перед фактом, что теперь она будет жить со своим парнем.

Так и получилось, что я в середине семестра оказалась без жилья. Меня подобрала дальняя мамина родственница, полуслепая полуглухая стервозная бабка, контролировавшая время моего ухода, прихода и список покупок. Через неделю я готова была переехать хоть к самому Мордреду, все лучше безумной леди Агриппины.

Обжигая язык горячим кофе, я шипела как гадюка и жаловалась подружке на жизнь в один из редких перекуров, которые мы устраивали себе в промозглом подвале университетской библиотеки. Близилась сессия и бывалые старшекурсники стращали, что не все из нас вернутся на учебу в новом году.

– Марк ищет себе соседку. Почему бы тебе не поговорить с ним?

Я изумленно уставилась на Ивейн.

– Мне? Жить с Марком?

– А почему нет? Он милый.

– Он парень. Красивый парень! Моя мама не поймет.

– У твоей мамы бордель. Она поймет.

– Не бордель, а отель.

– Да какая разница!

– Ивейн, он меня даже не знает!

– Ты с ума сошла, Шелена? Тебя знают все. Ты самая умная на этом курсе, а может, и не только на этом.

Все сложилось на удивление просто. Марк пришел на встречу, кинул мне привет и спросил: а где твои вещи?

– Я... Эмм... У бабки.

– Ну так пошли за ними, чего ты стоишь, вечно с вами, девки, так, собираетесь целую вечность.

И вот так вот просто мы начали жить вместе.

С тех пор прошло четыре года, и не было за это время случая, чтобы мы с Марком поссорились.

Кроме последнего.

Мы работали на корону уже месяц, но так до сих пор толком не поговорили о происходящем.

В итоге все сложилось для нас вполне удачно: пять лет по контракту, все разработки, сделанные за это время, принадлежат государству. Кроме того, мы получаем настоящую – и неплохую – зарплату, лабораторию, оборудованную в соответствии с самыми безумными нашими мечтами – все это

была заслуга Марка. Еще он в яростном бою с Колином выторговал нам право доучиться и получить дипломы.

Но все равно винил себя.

День за днем мы слаженно создавали проверенные зелья – огромные партии, раньше нам и не снились такие никогда, потом вместе возвращались домой, накрывали какой-то ужин и расходились по спальням. Молча.

Я не лезла к нему, надеясь, что через какое-то время все сгладится само собой и снова станет по-прежнему, но стало только хуже.

И мое терпение лопнуло.

Я мешала тирозин с изолейцином, как вдруг внезапно пришло понимание неправильности происходящего. Отложив в сторону все реторты, я подошла к Марку, который как раз синтезировал адреналин из фенилаланина¹⁸.

И обняла.

Он дернулся на мгновение, а потом замер, неловко опустив руки по швам, а потом тоже обнял меня.

Мы стояли так долго и не говорили не слова, но это было совсем другим молчанием.

– Ждешь, когда подействует окситоцин?

– Угу, – я кивнула. – Работает?

– Работает, как видишь.

---

¹⁸ – Ева, откуда ты берешь все эти буквы? Ты ни хрена ни понимаешь в химии.– Учебник олимпиадных задач для 9 класса, дорогой. И немножко гугла. И, между прочим, в школе учительница химии меня хвалила.– А я наряжался в детстве в женскую одежду.– Что, правда?– Нет. Но прозвучало хорошо, скажи?

– Но давай еще немножко пообнимаемся.

– Чокнутая.

– Придурок.

– Прости меня.

– Хватит, Марк. Прекрати извиняться. Твоей вины – половина.

– Если бы я не настаивал... – завел он привычную волюнку, но я резко оборвала его.

– Ты был готов отменить сделку, помнишь? Я заставила тебя на это пойти, а потом сама же изменила решение.

– Под воздействием моей умелой манипуляции.

– Я хотела этого. Не оправдывай меня. Мы партнеры, помнишь?

– Шелли, мы в кабале на пять лет. Это угнетает меня!

Я высвободилась из его рук.

– Марк. Марк, посмотри на меня. Посмотри вокруг. – я обвела рукой помещение. – У нас прекрасная лаборатория, любые материалы доступны нам, мы получаем за свою работу деньги. Скажи, если бы это место нам предложили по окончании курса, не мотивировав дополнительно парой пинков под зад, согласился бы ты на такое предложение?

Марк нахмурился.

– Я бы дрался за такую возможность.

– Ну так в чем разница?

– Он бил тебя, Шелена. Унизил, избил и в довершение ко всему чертов Ястреб вломился к тебе в голову.

– Это было немного не так, как выглядело со стороны...

– Не рассказывай мне, как это выглядело со стороны. Я просыпаюсь ночами от кошмаров, в которых ебаный Ворон насилует тебя, а у меня связаны руки.

– И как я выгляжу без одежды?

– Не смешно.

– Прости. Мне тоже снятся сны. Просто... просто мне проще смеяться над этим, чем в действительности допустить в свою голову мысль, что со мной происходили те ужасные вещи. И я не хочу, чтобы мы из-за этого перестали быть друзьями. Понимаешь?

Марк медленно кивнул.

– Понимаю. Мне тоже тебя не хватало все это время. Твоего занудства и командирских замашек.

Я пихнула его кулаком.

– Мир?

– Мир.

Мы продолжили работу, и через некоторое время я вспомнила кое-что, что больше всего не давало мне покоя.

– Знаешь, я почти забыла унижение – будем честны, мы заслужили это сполна, и условия мне нравятся...

– Но...?

– Но я никак не могу смириться с тем, что мы отдадим им все, что изобретем за это время! Меня начинает трясти при мысли об этом! Потребуй его высочество мою честь в обмен на разработки, я бы ни мгновение не сомневалась, так мне

жалко нашего труда!

Марк довольно хмыкнул.

– Не беспокойся об этом.

– Легко сказать!

– Да нет же, ты не поняла. Помнишь, как точно звучит контракт?

– Ээээ...

– Да, я глупость спросил. Так вот, точная формулировка, что мы не претендуем на четко определенные составы по четко определенными названиями. (как бы это по-юридически?)))

– И?

– И не мне тебе объяснять, как легко можно изменить формулу, добавив звучный, но не влияющий на основной компонент элемент.

До меня начало доходить.

– То есть, мы можем добавить, например, к «влюбленности» аромат ванили и пыльцу дамасской розы...

– Обозвать все это «первым поцелуем» ...

– И продавать ...

– Те же яйца в новой упаковке? Да!

Я завизжала и бросилась ему на шею.

– Марк! Ты – гений! Нет! ГЕНИЙ! Я люблю тебя! Пьяный Ланселот, ты обвел вокруг пальца самого черта Колина, если он пропустил это в нашем контракте.

Марк задумчиво протянул.

– Ты знаешь, Шел, мне кажется, я его совсем не обманул. Он так странно посмотрел на меня, когда читал этот пункт... Я думал, что он сожрет меня с потрохами за дерзость. Но старый сыч какого-то хрена промолчал. Черт, хотел бы я когда-нибудь стать вполовину таким же опытным, как он...

Я не слушала. Главное я узнала, и это была самая прекрасная новость за последнее время!

– И ты даже не расстроена, что не придется отдаваться его высочеству?

– Мне все равно, что ты придурок, сегодня ни одна твоя пошлость не поколеблет мое счастье. Пойдем в «Гарпию»? Хочу напиться как свинья и танцевать всю ночь!

– Ну так это же ты все о пизде думаешь, вместо того, чтобы побыстрее закончить работу и свалить отсюда к чертовой бабушке! Все вы девки такие, ненадежные.

Как хорошо было видеть прежнего Марка! Я весело засмеялась и принялась за дело.

Валет пик

Ястреб нехотя признал, что он начинает привыкать.

К тому, что большую часть западного дворцового крыла отдали двум сумасшедшим гениям.

К тому, что эти гении оказались детьми.

И к тому, что они с каждым днем нравились ему все больше и больше.

Как-то незаметно вышло, что каждый день он приходил в лабораторию: сначала с инспекцией, потом формально, но

только когда однажды ему вручили специально заваренный к его приходу кофе, он понял, что что он тут, потому что ему хорошо.

Поначалу они сторонились его: боялись и явно испытывали неприязнь. Всегда веселые и разговорчивые, оба замолкали, замыкались и работали в тишине, пока он не уходил, и первое время он явственно чувствовал молчаливый вздох облегчения, как только за ним закрывалась дверь. Их явное недружелюбие забавляло его, было таким свежим в удушливой вежливости двора, где каждый смотрел ему в рот и мечтал лизнуть задницу поглубже. Он не лез к ним с бесполезными советами и замечаниями, но искренне интересовался их работой и задавал вопросы, много правильных вопросов, и понемногу они втягивались в объяснения, увлеченно пытались найти аналогии, понятные непрофессионалу. В итоге постепенно лед тронулся, и теперь они уже яростно спорили и подкалывали друг друга, не стесняясь его присутствия.

Сейчас, зная их достаточно много времени, он удивлялся про себя, как могли они с Вороном решить, что ди Анджело был главным в этом тандеме. Было очевидно, что все идеи идут от Гатинэ, и именно она решает, как и над чем они будут работать. Осторожно расспрашивая их, он выяснил, что Марк – прирожденный торговец, и именно он когда-то придумал экономить материалы и трудовые затраты, клонируя готовый эликсир магическим путем. При этом сильно терялась интенсивность воздействия препарата: от получа-

са-двух до пятнадцати-двадцати минут, но и цена продукта существенно падала, позволяя расширить целевую аудиторию покупателей.

Он смотрел на них и видел себя пять лет назад: наглого, дерзкого, безрассудного, полного идей и сумасшедшего распиздяйства. Подмечал их помятые, но все равно юные лица после загульных выходных, слушал безумные истории, которые случаются с людьми только в молодости, мысленно улыбался бесконечным пикировкам, любовался слаженностью движений людей, между которыми давным-давно нет секретов.

– Впал в ностальгию? – только железная выдержка помогла ему не вздрогнуть от вкрадчивого голоса Ворона у себя над ухом.

Габирэль по своему обыкновению возник внезапно и из ниоткуда. Встав рядом с Каем, он кинул взгляд на двух друзей.

– Ты уже решил, когда трахнешь девчонку? Я же вижу, что ты ее хочешь.

Кай поморщился. Он любил Ворона, но его бесцеремонные замечания... Правдивые замечания.

– Я решил, что не буду этого делать.

– Да ну? Еще пара таких высказываний, и в следующий раз вместо виски я принесу тебе компот.

– Не следует мешать секс и работу.

– Ты не работаешь с ней. Ты – ее хозяин. Обязанность

каждой девки давать своему начальнику, разве Колин не внес это еще в официальное законодательство?

– Мне просто нравится на них смотреть. Они такие ... чистые. Я не хочу вставать между ними.

Ворон расхохотался так громко, что Шелена и Марк обернулись и посмотрели их в сторону. Согнувшись в три погибели, он помахал им, мол, не ваше дело, работайте дальше, а потом, все еще посмеиваясь, повернулся к Ястребу:

– Старик, ты правда решил, что эти двое – **пара**?

Принц не любил оказываться в чем-то не прав. Нахмурившись, он с вызовом посмотрел на Ворона, требуя объяснений.

Габирэль, однако, не обратил внимания на молнии, которые метал взглядом его высочество.

– Они только друзья. Парень – гей.

– Да ну. Уж в этом я разбираюсь.

– Ну, значит, ошибся. Давно не практиковался – ехидно добавил Ворон. – Уверяю тебя, парень – гей. Ну, может, би. Но они не спят вместе. Не веришь моим глазам – поверь моему нюху. Их запахи не смешаны.

– Ты уверен?

– Как то, что я – Ворон. И я тебе больше скажу...

Габирэль приблизился к уху принца и, понизив голос, добавил:

– Она – он кивнул в сторону Шелены – девственница.

– В двадцать лет? С ее характером? Не я у нас тут теряю

сноровку.

– А ты спроси, – хмыкнул Ворон и, отвесив шуточный поклон, ушел, оставив после себя аромат полыни и новых вопросов.

Глава 9.

– Ты когда-нибудь думал, как бы сложилось, не расстанься вы с Изабел?

Я сама не знала, почему у меня вдруг вырвался этот вопрос. Последние дни меня одолевала меланхолия, рассказ писался медленно, и я блуждала в своих мыслях одной ногой в прошлом, другой в мечтах.

Хавьер не удивился. Как будто мы вели этот разговор уже давно, он ответил неторопливо и вдумчиво.

– Думал. И пришел к тому, что мы бы все равно расстались, но случись это позже, нам обоим пришлось бы хуже.

– Почему?

– Не знаю. – он пожал плечами. – Мы с ней были разные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.